

Военно-политические события в Эгейском море и в Адриатике в 1788—1792 гг.

Г.А. Гребенщикова

Качественное историческое исследование, особенно в целях установления истины, всегда предполагало работу с большим количеством документальных материалов, а историческая наука, как и любая другая, постоянно находится в развитии и не стоит на месте. Новые, ранее не публиковавшиеся документы зачастую позволяют ученым прийти к прямо противоположным выводам, нежели те, что сложились в традиционной отечественной или зарубежной историографии. В качестве одного из таких примеров можно привести документальные материалы, обнаруженные в двух крупнейших архивах России — Военно-морского флота (Санкт-Петербург) и Внешней политики Российской империи Историко-документального Департамента МИД России (Москва).

К числу изученных и систематизированных документов относятся донесения российских консулов, служивших в Триесте, в Венеции, на островах, принадлежавших Венеции, императрице Екатерине II и вице-канцлеру графу И.А. Остерману. Привлекались рапорты российских офицеров, находившихся в Средиземном и Эгейском морях. Совокупность полученной и обработанной информации позволила выявить реальную картину событий в указанных регионах и назвать имена людей, которые до сих пор незаслуженно оставались в тени истории Российского флота. К сожалению, историческая истина такова, что боевые действия в греческом Архипелаге приписывал себе другой человек, о котором сложили легенды и написали книги, повествующие о «храбрости, доблести, отваге и подвигах», будто бы проявленных им в сражениях против турецкого флота. К сожалению, авторы таких книг, не ознакомившись в полном объеме с архивными материалами, поторопились сделать однозначные выводы и тем самым ввели в заблуждение не только российских историков, но и греческую общественность. Теперь, после проведенного комплексного исследования, можно назвать имена реальных героев, одерживавших победы над турецкими морскими силами в Эгейском море. Это мальтийский капитан, а затем офицер на российской службе Гвильермо Лоренцо, уроженец Корсики лейтенант Самуэль де Шаплет и российский офицер Георгий Войнович, а вовсе не «герой и кавалер Ламбро Кацони», каким его представил, например, российский исследователь Ю.Д. Пряхин¹.

Что же на самом деле происходило в водах Эгейского моря и Адриатики к моменту открытия военной кампании России с Турцией в 1787 году? В Эгейском (Белом море) находился тогда всего один корсарский фрегат под командованием мальтийского офицера капитана Гвильермо Лоренцо, который по собственной инициативе начал оказывать военную помощь России. В течение января-февраля 1788 г. Лоренцо совер-

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

шил ряд успешных нападений на турецкие военные и торговые суда и смелый набег на побережье вблизи Афин, где обстрелял турецкие сторожевые посты и «убил турецкого начальника». С начала 1780-х гг. кабинет Екатерины II разрабатывал планы наступательной войны против Османской Порты и предполагал захват Черноморских проливов. В этой связи императрица намеревалась предпринять вторую экспедицию в Средиземное море, куда проследует Балтийский флот под командованием адмирала С.К. Грейга и будет действовать в тылу противника в греческом Архипелаге. При подходе его к Дарданеллам начнет операции Черноморский флот со стороны Босфора.

Высшее военно-политическое руководство России придавало большое значение Средиземноморскому театру военных действий (ТВД) и планировало отвлекать туда турецкие силы с Черного моря. Успешные действия Гвильермо Лоренцо значительно облегчали операции российского флота на Черном море. Турки выслали против него три фрегата и кирлангич (парусно-гребное судно), а главнокомандующий турецким флотом (капудан-паша) приказал захватить фрегат Гвильермо, взять в плен его самого и привести в Константинополь².

В марте 1788 г. императрица Екатерина II направила рескрипт-генерал-поручику И.А. Заборовскому, которого назначила командующим сухопутными войсками. Она поручала Заборовскому выехать сначала в Триест, затем в Тоскану, где постараться «собрать всех корсиканцев, бывших в английской службе», сформировать из них отдельный корпус и набрать войска в Славонии, Далмации, Черногории и приморской Албании, особенно в Химаре. На Сицилию, в Сиракузы для заготовки провизии и подготовки маневренной базы флота выехали российские офицеры — капитан бригадирского ранга А.К. Псаро и князь Василий Мещерский.

По распоряжению императрицы коллегия Иностранных дел отправила курьеров с циркулярными рескриптами ко всем российским министрам, поверенным в делах и консулам. Своим представителям Екатерина II предписывала, «дабы они, поспешествуя со своей стороны успеху и пользе, подавали» генералу Заборовскому и адмиралу Грейгу «всевозможное пособие, и требования их исполняли, стараясь таким образом облегчить им все трудности»³. Императрица просила генерала Заборовского строго соблюдать правила морского нейтралитета и не допускать осложнений с нейтральными и дружественными державами. Для этого она предписывала собрать всех арматоров, которым выдадут патенты на право поднимать на своих судах российский флаг, и разъяснить им суть правил высочайшего двора. Арматорам категорически запрещалось доводить дело до жалоб со стороны владельцев нейтральных судов, а у тех, кто станет нарушать предписанные инструкции, приказывалось немедленно отбирать патенты. «В произведении сего в действо будут вам способствовать министры наши и консулы, в разных тамошних местах аккредитованные», — напоминала ему Екатерина⁴.

В начале лета 1788 г. в Италию выехал уполномоченный императрицы генерал-майор С.С. Гиббс с поручением образовать в Сиракузах комиссию для ведения дел, связанных с захватом арматорами призовых судов, — призовую комиссию. В Зимнем дворце намеревались вести против турок войну цивилизованными методами и рассматривать все только в законном порядке. Эту миссию Екатерина II и поручила генерал-майору Гиббсу, назначив его председателем призовой комиссии. Командующему флотом адмиралу С.К. Грейгу она предписывала: «Имеющиеся в Средиземном море арматоры под Нашим гюйсом, за неиспением еще там морского начальства, причиняют иногда разные своевольства, и хотя уверены Мы, что министры Наши в Италии, а потом и генерал поручик Заборовский не оставят исправить таковые поступки, на основании правил для арматоров с переводами итальяским, греческим и французским, но дабы от них, вместо грабежа ими производимого, заимствовать пользу, постарайтесь прежде отплытия из Сицилии составить из оных арматоров особую легкую флотилию, которая по распоряжениям вашим могла бы производить соразмерные силе ее поиски. И как в ней нужен искусный и предприимчивый начальник, то и предоставяем вам рассмотреть, удобен ли к тому окажется мальтийский капитан Лоренцо Гвильермо, несколько уже временем удачно производящий поиски над турками, и от многих в знании и храбрости одобряемый. Уведомившись о наклонности его вступить в службу Нашу, дали Мы повеление министру Скаврскому и бригадир Псаро объявить ему, что на принятие его соизволяем, с чином капитана корабельного»⁵.

Из текста отчетливо видно, что арматоры производили грабежи и творили беззаконие, в связи с чем Екатерина II поручала Грейгу сформировать из них легкую

флотилию, а командование передать мальтийскому капитану Гвильермо Лоренцо после принятия его на русскую службу. Так мы подошли к рассмотрению действий персонажа, попавшего в анналы истории российского флота под именем «храброго кавалера и бесстрашного корсара» — полковника Ламбро Качони (Кациониса, Качиони). Он прибыл в Керчь в 1775 г. вместе с другими греческими и албанскими переселенцами из Архипелага после завершения русско-турецкой войны 1768—1774 гг., а с открытием новой кампании с Турцией в 1787 г. служил на Черноморском флоте под начальством контр-адмирала Н.С. Мордвинова. Когда прошел слух о том, что Екатерина II собирается выдавать патенты владельцам арматорских (каперских) судов, Качони подал рапорт светлейшему князю Г.А. Потемкину с просьбой разрешить ему направиться в Архипелаг и там воевать с турками. Потемкин ходатайство удовлетворил, и Качони из Херсона выехал в Триест (австрийское владение), где надеялся вооружить корсарское судно. В тот период в Триесте шло формирование австрийской корсарской флотилии для операций против турок, да и в Архипелаг можно было попасть только таким путем. Однако собственного корсарского судна у Качони не было, денег на его покупку и вооружение тоже.

В целях ясного понимания дальнейших событий, по мере необходимости будем переходить из 1788 г. в 1790-е и снова возвращаться назад. После окончания русско-турецкой войны императрица постановила создать специальную комиссию «О рассмотрении архипелажских дел» для оценки действий арматоров, плававших в Архипелаге под российским флагом. Комиссия учреждалась с целью «свидетельства щетов и рассмотрения претензий по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну»⁶. Такое распоряжение возникло не случайно — слишком много накопилось документов, связанных с произволом арматоров, которым доверяли высочайшие патенты, и также обнаружилось много жалоб на их действия, долговых и финансовых претензий к ним от различных частных лиц. Из такого рода документации образовали особое архивное делопроизводство, куда вошли письма, прошения, копии нот протеста, различного рода объяснительные записки, в том числе и консулов, свидетельские показания, копии протоколов допросов греческих матросов, служивших на флотилии Качони, и другие документы.

В одном из дел этого фонда имеется письмо, датированное 26 мая 1794 года. В тот день в комиссию обратился капитан Паскалий Кассими, и вот что он изложил: «В продолжении с Портою Османскою войны, в 1788 году отправились мы с братом моим Николаем Касимием из Таган Рога в Триест, и проезжая Вену, встретились с полковником Ламбро Качиони, который объявил нам повеления, кои он имел о принятии службы Его Императорского Величества. Мы немедленно последовали за ним, обещая ревностно и сколько силы наши позволяют служить. Прибыв с ним в Триест, на первый случай давали ему деньги на вооружение фрегата Минервы, возврата коих никогда не требовали». Всего на вооружение фрегата «Минервы Северной» братья Паскалий и Николай Кассими дали Качони 4000 пиастров⁷. Качони же в 1788 г. отправил донесение в Херсон, что он на «собственный кош» вооружил «Минерву Северную» (небольшой 20-пушечный фрегат)⁸. Позже, в Петербурге, в ходе судебного разбирательства над ним, Качони вынужденно признается, что, будучи в Триесте, на вооружение флотилии он получал деньги как от казны, так и за счет «исхудения частных людей». И уже ни слова не скажет о том, что снаряжал флотилию за свой счет. В ходе следствия Качони также признался, что его флотилия находилась на положении арматоров, поэтому по положению, часть призовых денег он был обязан отчислять в казну⁹.

Правила о партикулярных корсарах гласили: «Каждый хозяин, вооруживший судно, не может получить патента, дозволяющего выставить на том военный гюйс, не представив наперед в залог сумму в 20 тыс. руб. или надежной поруки, которою суммою он будет отвечать, что определенные на судне судовщики и служители с точностью наблюдать будут все ниже предписанные правила. В противном случае подвержен он будет не только потере залога, но где оный недостаточен будет к удовлетворению причиненного преступления и личному отчету». Из захваченных призов десятую часть арматорам полагалось отчислять в казну, не получать жалования от российского правительства и жить только за счет захваченной у неприятеля добычи. Однако останавливать и досматривать суда они имели право только «в Леванте и Архипелаге, под каким бы оно флагом ни было», то есть в зоне ведения боевых действий, но никак не в нейтральных водах: «Всех торговых судов под флагом нейтральным, идущих из Леванта и Архипелага в страны Европы к весту, которые

уже находятся к востовой стороне морей, российские корсары отнюдь не должны осматривать, ни останавливать в их путешествии»¹⁰.

Но Ламбро Кацони вместо того, чтобы следовать строго на юг, а затем развернуться и идти в направлении на север — в Архипелаг, в Эгейское море, то есть туда, куда ему назначалось, на фрегате «Минерва Северная» вышел из Триеста и... остался в Адриатике. Обратимся к документам. 23 апреля 1788 г. из Флоренции генерал И.А. Заборовский отправил донесение Г.А. Потемкину: «По Высочайшему Ея Императорского Величества повелению, составленная на основании корсаров из 10 судов принадлежащих грекам легкая флотилия, отправлена из Триеста в море сего апреля 8го числа под командою майора Ламбро Кацони. Из Сиракуз вышли другие 6 судов, а за ними скоро последуют еще 3 фрегата казне принадлежащие, под начальством принятого в службу нашу Мальтийского морского капитана Гвильгельма Лоренци. Сии обе флотилии соединясь в море, поплывут к Дарданельскому заливу, дабы занять линию от Афонской горы чрез Лемнос и Тенедос, и пресечь привоз съестных припасов в Константинополь из Архипелага, Египта, Анатолии и Румелии. Но прежде нежели достигнуть к помянутому месту, зайдут в остров Валону для нападения на дульциниотов, готовящих помощь туркам против Его Величества Императора в Банате, а потом к Идриотам, дабы воспрепятствовать жителям сего острова отправить в Черное море суда, приготовленные ими по повелению Порты»¹¹.

Таким образом, Кацони и принятый на русскую службу Гвильермо Лоренцо имели совершенно четкие инструкции, как им действовать в Архипелаге, — соединиться с Дарданеллами и осуществлять блокаду. Против жителей острова Идро (идриотов) им предписывалась только одна акция — воспрепятствовать отправке судов в Черное море, предназначенных для пополнения состава турецкого флота. Кроме того, Заборовский упоминает о десяти судах, которые якобы вооружил Кацони (видимо, со слов самого Кацони), который на самом деле вышел с одним фрегатом.

Как же поступил Кацони? Он не стал соединяться с Лоренцо и идти по назначенному маршруту, и не пошел к Валоне. Российский консул в Триесте Спиридон Варука общался с Кацони и в точности передавал ему все предписания Петербурга, но через некоторое время после выхода Кацони из Триеста С. Варука отослал в Петербург депешу: «За долг почитаю донести Государственной коллегии Иностранных дел о причиненных наглостях тремя российскими корсарами, кои противу нарочных в их патентах предписанных приказаний поступили следующим образом. Майор Ламбро Кацони, командующей корсарского фрегата Северной Минервы, прибыл сюда с патентом от Его Светлости князя Потемкина Таврического для закупки и вооружения к набегу судна, купил оный фрегат и вооружил, отправился в свой путь. Но вместо предприятия оружия противу неприятелей, 21-го марта остановил он рагузское судно по близости Рагузы, и отнял у него около семи сот червонных»¹².

Таким образом, с марта 1788 г. в нейтральных водах Адриатики и Ионического моря Кацони начал совершать незаконные действия в отношении рагузских, венецианских, австрийских и греческих судов, нарушая высочайшие инструкции и Правила о партикулярных корсарах. Особенно от его незаконных действий страдали подданные Рагузы — так, что эта республика, вначале направлявшая в Петербург ноты протеста, перешла уже на нижайшие просьбы — не грабить суда рагузских купцов. Сенат республики каждый раз подтверждал России свою дружественную позицию, разъяснял, что в этой войне он никакой помощи, а тем более военной, Турции не оказывал и оказывать не намерен, а наоборот, всячески придерживается нейтралитета. Консулы — С. Варука в Триесте и С. Мордвинов в Венеции — предупредили Кацони и других российских корсаров: «остерегаться впредь таким образом поступать», неукоснительно соблюдать инструкции, «в коих предписывается идти в турецкие воды и чинить нападение на турецкие суда и товары», а не нападать на беззащитных купцов в водах Адриатики¹³.

Как же отреагировал Кацони на предупреждения консулов? Он дерзко заявил им, что «читает, ему позволено беспокоить рагузский флаг». Этими словами Кацони нанес оскорбление представителю Рагузы в Триесте, и Варуке потребовалось немало сил, чтобы успокоить дипломата. В следующей реляции императрице Варука докладывал, что к нему обратились с жалобой греческие купцы, постоянно проживавшие в Триесте, которые пострадали от грабежей другого российского арматора, Марина Франгопуло. Эти купцы письменно заявили: они поняли одно — «Российские корсары вышли в море не для преследования турок, но для их, купцов,

разорения»¹⁴. Подробности же события 21 марта 1788 г. стали известны после того, как рагузский корабельщик Яков Франциск подал Варуке заявление, содержание которого характеризует личность человека, возведенного в ранг героя и храбро сражавшегося против турок. Следует отметить, что в заявлении этого корабельщика содержится далеко не самые шокирующие и леденящие душу подробности злодеяний Ламбро Кацони, совершенных им против мирных граждан и своих соотечественников.

Яков Франциск отплыл из Триеста в Рагузу; шел почти без груза, имея на борту только две малокалиберные пушки, один бочонок с порохом, два бочонка вина и несколько коробок с мылом. По причине штурма судно стало на якорную стоянку «за мысом острова Курцоло». Вскоре Франциск увидел судно, которое при приближении к берегу подняло российский флаг, а спустя еще некоторое время выстрелом из пушки дало знать, чтобы корабельщик приехал на это судно. Тот доверчиво выполнил требование. Далее он пишет: «Капитан позвал меня в каюту и поклонялся дружески, спрашивал, откуда я плыву. Я ему отвечал, что из Триеста, тогда он, объяснив меня своею добычею, послал шлюпку ко мне на судно» и приказал всех там находящихся доставить к себе. На захваченном судне люди Кацони взломали все ящики и сундуки, забрали ценности и вещи, а изъятую наличность — около 800 дехинов, Кацони взял себе. В это время недалеко от берега проходило другое судно и Кацони погнался за ним, но не догнав, вернулся обратно. Ярости его не было предела: его люди избили команду рагузского корабельщика и его самого, сорвали флаг, бросили на палубу и топтали ногами. Яков Франциск не любящий протестовать, говорил, что они не имеют права, так как их государства не находятся в состоянии войны, но Кацони вновь принялся допрашивать рагузскую команду: не припрятано ли у них еще где денег и ценностей? Получив отрицательный ответ, он приказал «дать двойю по сто ударов каждому, потом велел выгрузить все что на судне находилось». Корабельщику и его команде повелю — их отпустили живыми, а на прощание Кацони сказал им, что «намерен таким же образом поступать» со всеми судами под рагузским флагом¹⁵. И поступал.

Правдивость всего изложенного подтвердил российский посланник в Неаполе Павел Мартынович Скавронский. В донесении на имя вице-канцлера И.А. Остермана он писал: «Секунд майор Ламбро Кацони имея в повелении своем фрегат с 20 пушками, отправившись из Триеста для предприятий, могущих нанести вред мореплаванию судов турецких, сделал начало такого своего намерения нападением на рагузское судно 21 го марта у острова Курцоло. Получив оное судно без всякого сопротивления в добычу, взял в собственность свою все из денег и вещей». Это известие, пишет П.М. Скавронский, вызвало страх у местного населения, «привело все тамошнее гражданство в крайнее смущение и робость», а Сенат республики запрашивал Петербург: Россия гарантировала Рагузе безопасность от своих корсаров, если Рагуза займет дружественную позицию, так почему же эта договоренность не соблюдается? Назревал дипломатический скандал, совершенно ненужный кабинету Екатерины II, но это только начало — в последующие годы из-за пиратских действий Кацони последует целая череда разбирательств России с правительством Венеции. Через неделю после инцидента с Яковом Франциском, Скавронскому вновь поступила информация о захвате Кацони второго рагузского судна¹⁶.

Начав «операции» в Адриатике, Кацони отсылал донесения Н.С. Мордвинову и Г.А. Потемкину о своих «подвигах» в Архипелаге, рассчитывая, что проверить это невозможно. Так, он поведал, что 10 апреля 1788 г. у острова Занте захватил 32-пушечный турецкий военный фрегат и взял в плен находившихся на нем моряков (191 человек)¹⁷. Но остров Занте расположен не в Эгейском, а в Ионическом море, и как там мог оказаться турецкий военный фрегат? На самом деле, этот фрегат — именно в Архипелаге и в указанный Кацони период — захватил Гвильермо Лоренцо: фрегат следовал из Алжира на помощь туркам; на его борту находились «лучшие барбарейские матросы». Осведомители России и Австрии сообщали из Константинополя: после этого случая «Порта Оттоманская опять сильно просила французского посла, дабы посредством Франции запретить капитану Гвильгельму выходить и беспокоить ее навигацию в Белом море, на что посол обещался отписать к своему двору». Не успели турки опомниться от этой потери, как вновь поступило известие о потоплении мальтийскими арматорами в Эгейском море двух дульциниотских судов¹⁸.

Понятно, что до Кацони такая информация доходила раньше, чем до генерала И.А. Заборовского, не говоря уже о Потемкине или столице Российской империи. К

тому же, в отличие от Кацони, Лоренцо не отправлял в Петербург победных реляций — он просто восвал, и со своими малочисленными силами делал все возможное для нанесения противнику существенного урона. Кацони же, узнавая об успехах Лоренцо или об успехах других арматоров, спешил отрапортовать о них как о своих подвигах.

После грабежа судна корабельщика Якова Франциска, 24 марта Кацони пришел на Занте, о чем доложил в коллегию Иностранных дел служивший там консул Дамиано Загурисский. При этом Загурисский ни словом не упомянул о том, что Кацони захватил турецкий фрегат, а наоборот, доложил, что Кацони «плавал в Адриатическом заливе и грабил рагузские суда». Следом за якобы захваченным турецким фрегатом у Занте, Кацони похвастался контр-адмиралу Н.С. Мордвинову новым «подвигом»: в донесении от 23 апреля, находясь у острова Цефалония, он рапортовал, что захватил в Архипелаге два «небольших судна под флагом турецким»¹⁹. Возникает вопрос: как в такой короткий промежуток времени он успел захватить суда в Архипелаге, у Занте и у Цефалонии? Вновь явная ложь. Его донесения не совпадают и с показаниями пострадавших рагузских купцов, а также с отчетами консула Варуки, согласно которым в марте Кацони бесчинствовал у побережья Рагузы и находился вблизи венецианских островов Занте и Цефалония, но не в районе боевых действий. О том, что в период со второй половины марта до конца мая 1788 г. Кацони не был в Архипелаге, свидетельствуют и другие факты. Например, Дамиано Загурисский доложил в Петербург, что на Занте из Архипелага вернулся курьер Михаил Калло с письмами для Кацони: «Калло репортом своим объявил, что он по долгом искании везде в Архипелаге майора Ламбра Кацони не нашел, а потому и письма обратно отдал». Этот курьер, рискуя нарваться на турецкие или алжирские конвои, длительное время повсюду добросовестно искал Кацони, чтобы вручить ему важные депеши и предписания, но Кацони в Эгейском море так и не появился. Вместо двух «небольших судов под флагом турецким», взятых вблизи Цефалонии, как он доложил Мордвинову 23 апреля, Кацони захватил (там же, у Цефалонии) две греческие лодки с пшеницей и ячменем. А в мае у острова Церго он взял новый «приз» — «судно греческое о четырех пушках, нагруженное дровами, и велел бросить дрова в море»²⁰.

Так «доблестный» майор начал совершать преступления уже против своих соотечественников, и список пострадавших от него греческих судовладельцев и простых лодочников, перевозивших мирные грузы и товары, с каждым годом будет увеличиваться. При этом Кацони не мог не понимать, что умышленно нарушает пункты «Правил для партикулярных корсаров», которые вручил ему вместе с патентом князь Потемкин. самого же Потемкина Ламбро продолжал забрасывать победными рапортами. 3 мая 1788 г. он, находясь у острова Занте, доложил: турки сильно напуганы, весь Архипелаг «наполнен российским военными судами», но кроме него, Ламбро, других корсаров там нет — он единственный грозный враг своим неприятелям²¹.

По прошествии всего трех месяцев после первого выхода Кацони из Триеста, по фактам его незаконных действий и по мере поступления протестов Сената республики Рагузы, Екатерина II направила всем российским консулам приказ, запрещающий майору Кацони ходить под российским флагом. В депеше вице-канцлера России Ивана Андреевича Остермана полномочному министру в Неаполе Павлу Мартыновичу Скавронскому от 15 (26) мая 1788 г. говорилось: «Императрица с большим неудовольствием узнала о насилии, которое капер майор Ламбро Кацони осмелился учинить в отношении рагузинского флага, отобрав у капитана Вагетти, командующего полкой "Сан Винченсо Ферерио" около 700 дукатов звонкой монетой в купе с многими другими вещами. Вследствие сего Ея Императорское Величество приказало мне уполномочить вас, милостивый государь, не только понудить названного майора к немедленному возвращению вещей и денег, но и лишить его патента и отстранить от выполнения порученного ему дела как человека, посредством неверных и предосудительных поступков высказавшего себя недостойным пользоваться в предъ высоким покровительством императрицы и выполнять какие либо задания на ее службе».

Остерман выслал Скавронскому копию устава для напоминания каперам (арматорам), чтобы они руководствовались только законом. Скавронскому также поручалось «снабдить экземплярами этого устава всех подведомственных ему консулов». «Те же инструкции, — добавил Остерман, — я только что направил г-ну Мордвинову и графу Моцениги, дабы всяким способом обеспечить скорейшее выполнение содержащихся в них указаний и предотвратить новые подобные происшествия»²².

Получив это приказание, Скавронский уведомил Остермана: «Повеление, данное мне Вашим Сиятельством от имени Ея Императорского Величества, заставить майора Ламбро Кацони возвратить похищенные им у рагузского капитана вещи и деньги, и отобрав патент, запретить ему чинить вред под российским флагом, не премину исполнить»²³.

5 мая 1788 г. консул в Триесте Спиридон Варука в депеше на имя Остермана докладывал: «Чрез прибывшего сюда из Смирны венецианского шкипера известился я, что российский корсар Ламбро Кацони в Модонском море встретился с тремя идриотскими судами под турецким флагом, которые не хотели ему повиноваться»²⁴. Малые суда идриотов даже не имели пушек; одно было нагружено маслом, второе — пшеницей, третье — ячменем и сыром. Увидев, что суда не остановились, Кацони приказал спустить шлюпку с вооруженными людьми и направил ее к одному из судов. Но греки-идриоты — народ морской, взять их на испуг не так просто, и вместо слачи в плен они встретили шлюпку ружейным огнем и убили четверых людей Кацони. Добравшись до берега, греки бросили свои суда и скрылись от преследователей.

Этот эпизод дал повод майору Кацони отправить рапорт князю Потемкину об одержанной над турками победе: «Христиане здешних мест чрезвычайно довольны, что мне удалось сыскать и победить турков, ибо они крайне разорение причинили христианам»²⁵. Но, как видно, майор сыскал не турок, а греков-идриотов, хотя и под турецким флагом, но отнюдь не у острова Идро, как ему предписывал генерал Заборовский. В свое оправдание майор ссылался на пункт 14-й «Правил о партикулярных корсарах», который гласил: «Если корсар нападет на какое греческое судно, принадлежащее турецким подданным, нагруженное турецкими товарами, то оно взято за добрый приз». Но этот пункт относился непосредственно к Леванту и Архипелагу, а инцидент произошел «в Модонском море», то есть в заливе в западной части полуострова Пелопоннес (Морея), там, где проходила граница слияния двух морей — Средиземного и Ионического. В восточную часть полуострова, в турецкие владения в Архипелаге, где следовало воевать против турок, Кацони так и не пошел. Кроме того, он утверждал, что более тысячи греков служат вместе с ним, однако консул Варука говорил о другом: «Ламбро не имеет довольного числа людей, ибо бедные греки опасаются бунтоваться, пока не увидят или не узнают, что флот Ея Императорского Величества пришел в Средиземное море»²⁶.

Кацони ослушался высочайшего повеления от 15 (26) мая о лишении его императорского патента и звания арматора, а также о запрещении ходить под российским флагом. Вместо этого 27 июня он рапортовал князю Потемкину о взятии острова Кастельроссо. «Июня 24 дня получил я с вооруженными мною судами победу над неприятелями; в течение помянутого дня состоящая в Кастельроссо турецкую крепость атаковал, где и происходило несколько часовое военное действие, но, наконец, турки видя себя, что не были в состоянии продолжать оное, покорились, сняли на крепости флаг свой и чрез греческого митрополита вручили мне ключи от крепости. Турков всех было 230 чел., а с фамилиями находилось до 500 душ»²⁷.

Петербургу ничего не оставалось, как поверить этому донесению, однако где и над кем была одержана эта победа? Понимая, что трех идриотских судов для «подвига» явно недостаточно, что над ним довлеют рагузские дела по незаконным захватам призов и есть приказ об отобрании патента, Кацони из Ионического моря решил направиться в Средиземное. Крошечный остров Кастельроссо находится в южной оконечности Малой Азии, к юго-востоку от Родоса. Кацони следовал туда таким маршрутом: обогнул с юга Кандию, относительно безопасно прошел Родос, где турки держали сильный гарнизон и отряд янычар, обогнул Родос с южной стороны и подошел к Кастельроссо. На этом острове находилась даже не крепость, а обычный сторожевой пост. Население состояло в основном из греков, среди которых жил греческий митрополит, и невоенных турок с семьями, так что напугать мирных жителей и одержать над ними победу не составляло большого труда. В августе 1788 г. осведомители из Константинополя доложили: «Жители Родоса прислали к султану представителя с просьбой. Сообщая, что российские корсары взяли остров Кастель Росо и опасаясь такой же участи, требуют помощи. Порта приказала скоро погрузить два судна с амунницией и туда отправить»²⁸.

В конце июля 1788 г. советник российского посольства в Неаполе Андрей Итальянский доложил вице-канцлеру Остерману о прибытии в Неаполь генерал-майора С.С. Гиббса, который передал ему письмо Заборовского. К письму прилагалась инст-

рукция Екатерины II, в которой она предписывала «воздержать российских арматоров плавающих в Средиземном море, от угнетения нейтральных подданных». Императрица имела в виду преступные действия Ламбро Кацони, жалобы на которого шли в Зимний дворец нескончаемым потоком, в связи с чем она и назначила Гиббса председателем призовой комиссии в Сиракузах. Итальянский отдал Гиббсу копии новых жалоб, поступивших от правительства Рагузской республики «на арматоров секунд майора Ламбро Кацони и Спиридона Калегу», а на словах передал, что королевский двор Неаполя очень недоволен действиями Кацони, который начал грабить уже и неаполитанских купцов²⁹. Екатерина дорожила дружбой с королем Неаполя и обеих Сицилий, поэтому информация об обидах, причиненных его подданным, переполнила чашу ее терпения.

В конце лета 1788 г. Ламбро Кацони вновь «отличился». Он игнорировал все поступающие к нему инструкции и предписания об уважении подданных нейтральных держав и строгом соблюдении высочайше утвержденных Правил о партикулярных корсарах. Российский консул на Занте Дамиано Загурский уведомлял своего коллегу в Неаполе Павла Мартыновича Скаврнского: «Прибывший на Занте капитан Константин Снурчевский имеет приказ арестовать Кацони и отобрать от его судна», так как Кацони доставил уже достаточно неприятностей высочайшему двору, «оскорбительных Российскому флагу и нации нашей». В Постскрипуме этого письма имеется дополнение: Загурский пишет, что пока он заканчивал текст, к нему доставили новые сведения: «Для поиска и взятия под стражу майора Кацони», капитан Снурчевский намерен выйти в море на венецианской эскадре под командованием адмирала Анджело Эмо. Это будет сильнейший удар по престижу и достоинству России, «в отраду неприятелей»³⁰.

Капитан Снурчевский не нашел Кацони, который продолжал бесчинства и не выполнял приказы начальства. В октябре 1788 г. Павел Скаврнский уведомлял вице-канцлера Остермана, что майор Кацони «должен был следовать в Мальту для выдерживания тамо карантина, а потом ехать в такой здешнего государства порт, в которой предписано ему будет от меня, для учинения отчета в сделанном им нападении на рагузские суда». Игнорируя все предупреждения консулов, российского руководства и генерала Заборовского, Кацони, прежде чем уйти на зимовку в Триест, напал в Адриатике на судно, принадлежавшее мальтийскому подданному П. Целалиху, и ограбил его. Комиссия в Сиракузах под председательством Гиббса признала захват незаконным и предписала Кацони вернуть груз владельцу, но пока инцидент доходил до Сиракуз, а оттуда ответную бумагу с решением комиссии доставляли Кацони, он уже успел продать товар (листовой табак), присвоил деньги и возвращать их не собирался³¹.

В материалах призовой комиссии указано: «Майор Ламбро против всякого права и вопреки собственного обещания не только словесного, но и письменного, присвоил себе приз и начал продавать табак в триестском порте», хотя заверил Гиббса, что его вернет. Далее последовал протест мальтийского консула в Триесте в коллегию Иностранных дел России. Консул, в частности, писал: «Майор Ламбро для сокращения своего злодеяния обольстил некоторых из матросов капитана Целалиха, обещая им принять их в свою службу»³². Матросов с захваченного судна Кацони насильно вынуждал переходить к нему на фрегат под его начальство.

К тому времени на службе в русский флот вступило 17 корсиканских офицеров; среди них были лейтенант Самуэль де Шаплет и «арматор Франциск Пуло», но в отличие от Гвидермо Лоренцо и Самуэля де Шаплета, корсиканцы служили исключительно ради денег. Небольшой отряд судов под начальством лейтенанта де Шаплета сразу же начал в Архипелаге успешные действия, и на стапеле у берегов Мореи его экипаж сжег турецкое судно. Кроме него, так же успешно сражался на своем судне греческий корсар Христоудло и флотилия австрийских корсаров. Подвиги этих людей Кацони выдавал за свои, отправляя победные рапорты князю Потемкину и генералу Заборовскому. Оба находились далеко от рассматриваемого театра военных действий, особенно Потемкин, а Заборовский кроме Венеции, Флоренции, Рима и Ливорно нигде не выезжал, лично с Кацони не встречался и верил его донесениям³³. Между тем, консулу в Триесте Варуке продолжали нескончаемым потоком поступать жалобы от правительства Венеции на действия Кацони. Его обвиняли в грабеже венецианских торговых судов в районе острова Цериги. Судя следовало в основном во французские порты с мирным грузом, но это Кацони не останавливало³⁴. В конце октя-

бря 1788 г., так и не повоевав непосредственно в Архипелаге, Кацони отправился на зимовку в Триест.

В январе 1789 г., находясь в Триесте, майор Кацони решил отчитаться перед коллегией Иностранных дел о своих «подвигах» в Эгейском море: «Ныне имею в команде моей с лишним тысячи греков. Известны августейшему двору по донесениям моим подвиги мои в Архипелаге, и что я совершенно воспрепятствовал Порте Оттоманской обратить военные силы свои из Архипелага в Черное море. Наконец, довел до того, что она принуждена была вооружить и отправить из Константинополя восемнадцать великих и малых военных судов в Архипелаг против меня, и от того понесла немалые убытки, из числа которых с пятью 20 го августа минувшего года имел я сражение и получил победу, ибо убито тогда с лишним пять сот человек».

Самоуверенности этого человека не было предела. Точно зная о том, что в Петербурге получили огромное количество жалоб на него и протестов со стороны правительств Рагузы и Венеции, лишенный императрицей арматорского патента, он, тем не менее, продолжал рапортовать о совершенных «подвигах». В упоминаемом им сражении принимала участие небольшая флотилия лейтенанта Самуэля де Шаплета, что подтверждали все константинопольские осведомители России³⁵, а на флотилии Ламбро находились не тысячи греков, а всего 68³⁶.

Как уже упоминалось, в 1787 г. Екатерина II поручила капитану бригадирского ранга А. Псаро и бригадиру князю В. Мещерскому выехать на Сицилию с целью заготовки провизии для флота под начальством адмирала С.К. Грейга и вербовки корсиканских офицеров. Когда стало ясно, что флот в Средиземное море не придет по причине открывшейся кампании со Швецией на Балтике в 1788 г., Екатерина II уполномочила Мещерского оказывать содействие генерал-майору Гиббсу, возглавлявшему призовую комиссию в Сиракузах, и выполнять ее распоряжения и приказы генерала Заборовского. Князь Василий Мещерский строго следовал высочайшим инструкциям и по приезде в Триест передал Кацони приказ Заборовского. В приказе говорилось, что после ремонта судов Кацони должен немедленно проследовать «прямо в Сиракузы под званием легкой российской флотилии и явиться там у генерала майора Гиббса». Далее Заборовский писал: «Рекомендую вам следующее: как уже отправляются суда свои не яко корсары, но как российской легкой флотилии под командою вашею, того ради подлежит вам учредить надлежащий во всех частях порядок сообразно российской дисциплине, и не отступать от этого. За главное правило в пути вашем наблюдать честь и славу российского флага. Всякое встретившееся с вами нейтральный флаг носящее судно не беспокоить», действовать строго по предписанным «монаршим законам, приобрести честь российскому флагу от всех европейских держав и загладить неудовольствия от корсаров»³⁷.

Таким образом, в начале 1789 г. императрица изменила статус флотилии по причине многочисленных жалоб на Кацони со стороны правительств нейтральных государств и ухудшения отношений с Рагузой, Неаполем и Венецией. Кроме того, Кацони постоянно требовал денег на выплату жалования подчиненным ему грекам, хотя согласно Правилам о партикулярных корсарах он должен был отчислять в казну десять процентов от стоимости захваченных турецких призов, и жалования ему не полагалось. Кацони же всю награбленную добычу, причем не у противника, а у нейтральных владельцев, оставлял себе.

Вместо корсарской (арматорской), флотилия получила название легкой (казенной) и находилась на содержании императорской казны. Это означало, что теперь бывшие арматоры будут получать жалование от государства, а Кацони подчиняться личным представителям императрицы генералам С.С. Гиббсу и И.А. Заборовскому. В отдельном ордере от 23 января (3 февраля) 1789 г., отправленном из Рима, Заборовский напомнил Кацони о тех «пагубных» обстоятельствах, в которых он, Кацони, оказался, и о «гибели, в которую» он «неминуемо должен будет погрузиться». Чтобы этого не произошло, генерал приказывал: «Отвратите от себя пагубные удары поспешным прибытием ко мне, препоруча начальство над флотилиею кому-нибудь из капитанов ваших. Я предписываю господину Мещерскому отправить оную в сем виде в Сиракузы»³⁸. Этот приказ Кацони проигнорировал.

Об обстановке в Триесте подробно доложил вице-канцлеру России И.А. Остерману князь Василий Мещерский: «Я претерпевал величайшие беспокойства как по требованиям на майора Кацони от разных людей и от консулов французского, венецианского, неаполитанского и рагузского, так и от собственных его людей, кото-

рые почти все будучи им недовольны, не хотели с ним служить, не получая за все время от него никакой платы. Неотступно требовали от меня как в квартире моей, так и на улице» помощи, и чтобы успокоить людей, Мещерский дал им немного личных денег и теплой одежды. «Ламбро Качиони неоднократно покушался как сам, так и через знакомых своих уговаривать меня, чтоб не посылать его в Сиракузу, а отправить прямо в крейсерство, но я всегда отвечал, что сего сделать невозможно»³⁹.

Далее Мещерский пишет, что Качиони очень долго занимается ремонтом судов, «и медленно сие меня крайне огорчает. Я принужден вседневно сам быть при работе, и к сожалению, видал, что только там и работал, где я присутствовал. Неоднократно прибегал к губернатору, прося его о побуждении корабельного мастера, мастеровым и рабочим давал деньги. Майор Качиони представлял мне различные затруднения, я все старался преодолевать, давал ему деньги, когда требовал, познакомился с теми, кои ему прежде способствовали в вооружении его фрегата, и коим еще не заплатил долги. Наконец, когда все было готово и суда вышли на рейду, ожидая первого способного ветра, майор Ламбро пришел к консулу нашему Варуке и сказал, что он знает, что ему все изменят». Более того, Качиони заявил Варуке, что Мещерский якобы пригрозил ему, что отнимет у него флотилию, поэтому он, Качиони, Мещерскому подчиняться отказывается и в Сиракузы не пойдет, «и кричал сие таким голосом, что привел консула в замешательство, и к тому прибавляя еще многие не пристойные слова»⁴⁰.

Консул Варука, напуганный недостойным поведением Качиони, сообщил об всем Мещерскому, и тот немедленно вызвал его к себе. Князь пытался спокойно объяснить, что никто не собирается отбирать у Качиони флотилию, а в Сиракузы идти необходимо, но... Качиони сказал, что ничего подобного Варуке он не говорил и не понимает, о чем идет речь. А через некоторое время в присутствии консула и Мещерского Качиони вообще заявил, что «не повинуетс никакому приказу, в Сиракузу не едет и отказывается от флотилии и от команды»⁴¹.

На следующий день он снова явился к Варуке и демонстративно бросил ему на стол бумагу. «Бумага сия содержала на меня протест, — пишет Мещерский, — и наполнена дерзкими выражениями жалоб». Затем Качиони надменно объявил, что он «находится в вольном порту и что уже предал себя покровительству императора (австрийского) — Г.Г.). Потом пошел прямо к губернатору, которому представил письменное о сем объяснение, и просил принять его в службу и покровительство императора». Напрасно губернатор и присутствующий при разговоре австрийский генерал уговаривали Качиони забрать заявление и «внимали к его благоразумию» — майор отвечал им, что «он не русский, а грек, а потому ничем российской императрице не обязан, и никакому российскому начальству не повинуетс. А ежели захотят употребить над ним какое насилие, то он имеет много людей к своей защите»⁴².

Можно представить, в каком смятении после таких слов пребывали консул Варука и князь Мещерский. Одной из причин провокационного поведения Качиони являлось его ознакомление с орденом Потемкина от 8 января 1789 г., в котором Потемкин отзывал Качиони из Триеста и приказывал ему «немедленно поспешить приездом в Елисаветград для получения нужных наставлений касательно возлагаемой на вас экспедиции»⁴³. Потемкин хотел лично разобраться в ситуации и допросить майора на предмет поступавших на него жалоб и невыполнения высочайших распоряжений, но Качиони и не подумал выполнять приказ и ехать в Россию.

Тем временем, узнав о выходе Качиони, генерал Заборовский написал ему следующее:

«Посланный от меня в Триест для снабдения судов ваших нужным к мореплаванию с пособием от казны бригадир князь Мещерский доносит мне ныне с нарочным, что по приведении помянутых судов в состояние выступить в море, вы объявили себя противником службы Ея Императорского Величества, нежелая идти в Сиракузу и ища покровительства у господина губернатора графа Бриджидо. Толь неожиданное происшествие не могло быть без особенной причины, и я весьма склонен к тому, чтоб поверить, что оную подало вам строгое и не соответствующее предписаниям моим поведение помянутого бригадира князя Мещерского, и разглашение, будто по прибытии вашем в Сиракузу, суда приобретенные вашею храбростию, будут у вас отняты, и команда над ними препоручится другому. По крайней мере сии две причины изыскиваете вы к консулу Варуке, с которого мне доставлена копия»⁴⁴.

Теперь Заборовский уже не призывал Качиони к себе, а предписывал следовать прямо в Сиракузу, где генерал-майор Гиббс передаст ему секретные инструкции о

том, как действовать дальше. Но Качиони в очередной раз проигнорировал приказ начальника и устроил другую провокацию. После разговора с губернатором Триеста, он вместе со своей командой пришел на городскую площадь и стал кричать, что Мещерский хочет отнять у него флотилию и погубить его людей. Моряки кричали, что из Петербурга на имя Мещерского поступило 50 тыс. червонных, предназначенных для флотилии, но князь присвоил деньги себе.

Мещерский просил губернатора дать разрешение на арест зачинщиков беспорядков, но тот отказал, опасаясь кровопролития на площади. Тогда князь Василий подал губернатору официальную ноту, и только после этого тот позволил арестовать Качиони и его матросов. Мещерский собрал всех греков, объяснил им, на что расходовались деньги (например, только за одно судно, арестованное в Занте, он заплатил 1600 пиастров); в эту же сумму вошли выплаты за ремонт, расходы по снабжению флотилии провиантом и запасами на два месяца. Мещерский еще раз призвал всех повиноваться приказам и следовать в Сиракузу, но греки отказались.

Пока происходили эти события, власти Триеста получили новые прошения от кредиторов Качиони с требованиями секвестрировать его суда за долги, которые тот не платит. А сам он, сию под арестом, строчил на Мещерского доносы, в которых обвинял князя в присвоении казенных денег, в том, что он не уважает его как майора и «почитает как ординарного грека». Чтобы получить нужные средства, Качиони начал звать к престижу России: «Требую от князя денег, а он мне в том отказывает, а по сему дела флотилии упали. Странно сие для нации Российской и для ее кредита в присутствии других европейцев в то самое время, когда весь свет удивляется гремещей славе России, и что греков пяти сот человек не могли удовлетворять, которых, да и всю греческую нацию по силе Манифеста Ея Императорского Величества долженствовало обольщать и иметь в благоволении, не так, как господин бригадир князь Мещерский. Его Сиятельство очень холоден к грекам, а потому и дела флотилии разстроились»⁴⁵.

Теперь Качиони называл уже другую цифру — не тысячи греков, а пятьсот, и в его понимании, Россия должна бесперебойно снабжать их деньгами, что, впрочем, Екатерина и делала, посылая на имя Качиони немалые суммы. А пока он находился под арестом, его люди устраивали беспорядки, разгуливали по городу и кричали, чтобы Мещерский им заплатил «за все время службы их у Ламбро, а в противном случае угрожали всех умертвить». Они отослали жалобу и Потемкину, сообщив, что, по вине Мещерского произошла «остановка их судов», они не выходят в море, терпят всяческие бедствия и не получают жалования; не забыли они и упомянуть о своих громких победах над турками⁴⁶.

Власти Триеста, обеспокоенные «смутами и наглым поведением греческих матросов», просили Мещерского заплатить им, чтобы они успокоились и разошлись. Качиони же смог найти подход к генералу Заборовскому и передать ему слезное письмо, в котором всю вину переложил на бригадира Мещерского. Майор жаловался, будто Мещерский довел его «к возмущения грубыми и неосторожными поступками и посадил под караул»⁴⁷. Заборовский приказал освободить майора из-под ареста и даже заплатил его долги в размере 25 тыс. флоринов. Но больше всего досталось Василию Мещерскому: поверив Качиони, Заборовский назвал князя «предателем Отечества». Тогда Мещерский в письменном виде изложил канцлеру Остерману следующее: «Я лучше соглашусь живой погresti себя, нежели остаться в сем положении», когда запятнаны мои честь и репутация. Князь Василий просил Остермана провести объективное разбирательство и хотел «пасть к стопам императрицы», лишь бы добиться справедливости. «Поругание, которое я здесь претерпеваю, для меня с лишком оскорбительно, — писал он. — Ламбро ходит по всему городу с превеликою толпою и публично ругается мною со своими сообщниками. Я бы несолько огорчился, естлиб сия жертва, которая соразмерна самой жизни, могла принести какую пользу Отечеству. Но как умножает только безславление оно, не могу перенести того». В конце письма Мещерский выразил упование на Бога и заступничество Остермана и императрицы⁴⁸.

Простив мятежного майора, генерал Заборовский направил ему секретный ордер, датированный 20 марта 1789 г., из Флоренции:

«1 е. Выступив из Триеста, с возможною поспешностию следуйте прямо в Архипелаг, не заходя в Сиракузу, дабы не упустить времени».

2 е. Достигши Дарданелльского залива, займите линию чрез Афонскую гору, Лемнос, Тенедос и проч., дабы пресечь сею дорогою привоз съестных припасов из Египта, Натолии, Архипелага и Румелии в Константинополь. Суда, которые будут

вашего добычею в сем месте, так и во всем вашем плавании, оставляются к пользу вашу и вашей флотилии. Почему все что нужно будет, из добычи сей употребите на содержание экипажа или для умножения сил ваших, распоряжайтесь по собственному вашему усмотрению, прочее же, дабы не обременять себя тем, что не нужно, отправляйте в Комиссию учрежденную в Сиракузе.

3 е. Председательствующий в сей комиссии генерал-майор Гиббс по высочайшему повелению Ея Императорского Величества вооружает несколько казенных судов с сим же самым намерением, которое есть предметом ваших действий. Они составляют другую флотилию под командою Гвильгельма Лоренцо, и отправясь из Сиракузы, поплывут также прямо к Дарданельскому заливу, дабы соединиться с вами. Я не обязываю вас действовать всегда с ним, ни его с вами, и как никто из вас не подчинен друг другу, то и соединение ваше зависит от единой пользы службы, то есть для вашего нанесения вреда неприятелю. Где нужно действовать обоим вместе флотилиям, там вы должны быть соединены, в противном же случае можете разделиться. Но я еще повторяю, что польза службы долженствует быть главным для вас обоих предметом. Да умолкнет здесь и зависть, и честолюбие.

Во время плавания вашего все неприятельские суда, как турецкие так и шведские, должны быть вашей добычею. В разсуждении же держав не участвовавших в настоящей войне, да будет одним из главнейших ваших правил строгое и неупустительное наблюдение высочайше утвержденного установления о корсарах, и чтоб суда, плавающие под флагом нейтральных держав, отнюдь не были визитованы, как только в таком случае, когда есть прямое доказательство или по крайней мере сильное и явное подозрение, что на оных везутся товары, запрещенные трактатами. Все христианские народы, подданные Порте, есть наши единоверцы и друзья. Относитесь к ним во всех местах с тем расположением, какого требует единоверие и дружба.

Вы также будете проходить недалеко от идриотов. Сей остров населен греками, но они преданы Порте и слышно, что готовят знатное количество судов в Черное море. Есть ли найдете, что слух сей справедлив, употребите ваше мужество против врагов сих и не допустите их исполнить злое намерение против покровительницы имени христианского»⁴⁹.

В ордере Заборовского особо оговаривались такие пункты: «После всякого военного действия отправляйте в Сиракузу судно с рапортом вашим ко мне и генерал-майору Гиббсу, донося подробно о всех ваших действиях и предприятиях, ибо всякий раз по получении таковых рапортов я буду всеподданнейше доносить об успехах и подвигах ваших». В случае крайней необходимости расходы по флотилии возместит казна, «которая вам все таковые издержки верно платит». То есть Заборовский предупреждал Кацони, что его действиями должны стать не произвол на море и не грабежи судов под флагами нейтральных держав, а только операции против открытых врагов и их пособников, за что ему будет производиться официальная государственная компенсация. Тогда же в марте генерал-поручик Заборовский от имени Екатерины II обратился с воззванием ко всем греческим «святейшим патриархам, преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам, всему духовенству, верным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов». В тексте обращения разъяснялось, что для успешного ведения войны против варварского ига и врагов христианства, в Архипелаг отправляется российская императорская флотилия под командой одного из греков, состоящего на российской службе майора Ламбро Кацони. На эту флотилию из девяти небольших судов приглашались все желающие сбросить турецкое иго «приматы» и единоверцы России⁵⁰.

По прошествии месяца Заборовский с горечью писал в Петербург графу Александру Андреевичу Безбородко: «Я приведен в крайнее прискорбие и замешательство, видя тщетными все мои усилия в составлении флотилии из арматоров, которые будучи ограничены изданными о корсарах правилами, вместо того, чтоб являться вновь для получения патентов, приносят и возвращают полученные ими»⁵¹. К сожалению, истина такова, что большинство греческих корсаров, в том числе и Ламбро Кацони, не хотели воевать по цивилизованным правилам, не хотели подчиняться Заборовскому и Гиббсу, а предпочитали оставаться вольными пиратами. Приобретая патенты на право плавать в водах Эгейского моря под российским флагом, они думали, что могут идти туда, куда захотят, и грабить, кого придется.

Следующее донесение генерал Заборовский адресовал императрице: «Всемирно-стивейше утвержденные от вашего Императорского Величества постановления о

корсарах, ограничивая их суда, плавающие в Средиземном море, уменьшили число оных столь ощутительно, что все старания мои о составлении из арматоров легкой флотилии были безуспешны. Чтоб не оставить свободного плавания неприятельским судам в водах Архипелага, я видел необходимость обратить паки в море майора Ламбро Кацони»⁵². Выплатив все долги майора в размере 25 тыс. флоринов, Заборовский приказал Кацони немедленно выходить в море.

Кацони получил еще один шанс проявить себя в борьбе с общим противником. Сам же он, через некоторое время после получения прощения, изложил Заборовскому совершенно фантастический план о намерении «атаковать и взять на первый случай остров Негропонт», где находилась сильная, укрепленная цитадель и существовала хорошо организованная служба защиты острова, состоявшая из многочисленных пеших и конных отрядов янычар. Поскольку на Негропонте велось военное кораблестроение, имелись стапели, арсеналы, магазины, склады, казармы и все, что относилось к инфраструктуре крепости и военного порта, то начальствующий над островом паша позаботился об обеспечении надежной охраны. А Кацони, видимо, рассчитывал на то, что Заборовский не знает реального положения вещей в турецких владениях в Архипелаге. В этом же письме Кацони не забыл извиниться перед генералом за потраченные казенные деньги, которые он никак не может вернуть⁵³.

Получив прощение, корсар продолжил беззаконие. В апреле он отплыл из Триеста и, следуя через Адриатику и Ионическое море, вновь не смог удержаться от разбоя. В депешах консула Варуки, отправленных в Петербург, имеются такие подробности: «Капитан Константин Левадити команды майора Ламбро Кацони, находясь с судном своим в рагузских водах, напал на одно дульциниотское и убив пять человек, принудил других спастись бегством... Сам майор, быв в Бокках (в Адриатическом море — Г.Г.) и услышав там, что неподалеку находились семь дульциниотских судов, пустился за ними и преследовал до самого Дульчина». Одно судно Кацони догнал, напал на экипаж, который звал на помощь, и убил 50 человек. А вот греческий арматор Христодуло, действовавший отдельно от флотилии Кацони, встретился в Архипелаге с турецкой шебекой и смело вступил с ней в бой⁵⁴. Пленную шебеку, как и положено, Христодуло привел в Сиракузы, где присоединился к команде Гвильермо Лоренцо.

Из других источников явствует, что эффективно действовал против турок в Архипелаге еще один греческий корсар с российским патентом — капитан корабля «Святой Иоанн Евангелист» А. Ликардопуло. Со своей командой он высадился у небольшого турецкого укрепления Финикс, разогнал сторожевой отряд, занял крепостные позиции, заклепал пушки и взял в приз четыре турецкие лодки. Потом в ходе операций вблизи Кипра Ликардопуло совершал нападения на турецкие военные суда⁵⁵. Подвиги этих людей практически неизвестны.

В конце лета 1789 г. в Государственную коллегию Иностранных дел поступил донос на мальтийского капитана, состоявшего на русской службе, — Гвильермо Лоренцо. Бумага была подписана неким Анастасием Пангалой, матросом из флотилии Ламбро Кацони. В доносе содержится обвинение Лоренцо в том, что 24 июня того года недалеко от острова Сиро в Эгейском море он встретил турецкую эскадру, но побоялся ее атаковать и «безстыдно ретировался». А майор Ламбро, наоборот, «ободрил всех своих капитанов и служителей», храбро вступил в бой и разгромил турок. В этом же доносе Анастасий Пангала обвинил Лоренцо в жестоких преступлениях против мирных жителей острова Идро, грабежах и убийствах идриотов, говорилось, что слава Ламбро Кацони не дает мальтийцу покоя⁵⁶.

Это серьезное обвинение, в котором надо разбираться, причем делать это объективно и с фактами в руках. Дмитрий Михайлович Голицын, российский посланник в Вене, получил от Кацони письмо, под которым стоит дата — 2 сентября 1789 года. Кацони начал с того, что на острове Зея он намеревался создать маневренную базу — по примеру порта Ауза на острове Паросе в первую русско-турецкую войну 1768—1774 годов. Кацони пишет, что «25 го дня июня имел я случай сражаться с турецким флотом. Сие сражение происходило меж островов Тино, Наро и Серфо. Началось в семь часов по полуночи, кончилось в шесть часов по полудни. Турецкий флот состоял из трех кораблей линейных, четырех фрегатов, пяти кирлангичей и двух галиотов. Моя же флотилия состояла всего из шести судов, ибо прочие были в разных посылках». Далее Кацони сообщает, что в ходе сражения его суда не получили почти никаких повреждений, а у турецких «збиты мачты, повреждены снасти, словом падают оттома-

не, а командующий тем флотом ранен и через три дня помер». Закончил письмо Кацони словами: Гвильермо «первым бежал со своим фрегатом», а за ним и Войнович⁵⁷.

После прочтения этого текста, возникает вопрос: почему о столь важном событии, как сражение с превосходящими силами противника, в котором он принимал участие, Кацони не сообщил Голицыну по горячим следам, а только по прошествии месяца? Тем более, что, по его словам, он одержал победу, а его суда не получили никаких повреждений. Это истораживает: у турок имелось три линейных корабля и четыре фрегата, у Кацони шесть малых, в основном двухмачтовых судов. Но, судя по всему, в Петербурге поверили его лжи, а Потемкин даже присвоил Кацони звание подполковника, а следом и полковника.

Что же на самом деле произошло в водах Архипелага в период с 23 по 25 июня 1789 года? Обратимся к донесению генерал-майора Гиббса Екатерине II от 22 августа 1789 г. из Сиракуз, где находилась база флотилии и призовая комиссия. В начальных числах мая того года из Петербурга в Сиракузы пришло высочайшее повеление — вместо ненадежного и не выполнявшего приказы Кацони, начальствовать императорской казенной флотилией в Архипелаге назначен состоящий на русской службе офицер Гвильермо Лоренцо; отныне все бывшие арматоры поступают в его команду. 13-го мая генерал Гиббс обратился «к приматам острова Идры»: скоро в Архипелаг прибудет «господин Гулиермо Лоренцо, главнокомандующий над всей в Архипелаге флотилией», и просил приматов оказать этому офицеру посильную помощь, так как «он находится в службе нашей августейшей государыни». С того времени Лоренцо ставил свою подпись как «Флота Ея Императорскаго Величества подполковник и начальник эскадры Ея в Средиземном море»⁵⁸. Кацони же так и не выполнил мартовский ордер генерала Заборовского, не соединился с Лоренцо в назначенной точке рандеву и не пошел вместе с ним к Дарданеллам, чтобы «занять линию чрез Афонскую гору, Лемнос, Тенедос, дабы пресечь сею дорожкою привоз съестных припасов из Египта, Натолии, Архипелага и Румелии в Константинополь».

После разбойного нападения в водах Адриатики у Бока ди Катаро, Кацони пришел на остров Занте, принадлежавший Венеции, где от консула Дамиано Загурисского узнал, что у берегов Морей и у острова Негропонта успешно действует флотилия лейтенанта Самуэля де Шаплета⁵⁹. На этот раз Кацони поспешил в Архипелаг и у близлежащего к Негропону острова Зея устроил якорную стоянку. Читаем донесение генерала Гиббса императрице: «Не видя охотников к получению корсарских патентов, вооружил пришедших из Триеста четыре судна, и флотилию из шести судов вверил лейтенанту де Шаплету, которую и отправил в Архипелаг. Здесь у берегов Морей, у местечка Капо Исидора, де Шаплет усмотрел совсем готовую к спуску новую шамбеку и около 300 собравшихся турок конницы и пехоты». Приблизившись к берегу, де Шаплет открыл стрельбу, рассеял противника, а затем высадил на берег 250 человек, которые в ходе завязавшегося боя овладели тем местом, а шебеку сожгли. От пленных де Шаплет узнал, что «морейские турки» готовили шебеку в подарок новому султану⁶⁰. Донесение Гиббса дополнил Загурисский: действия де Шаплета у берегов Морей «привели в великое смятение морейских турков», особенно сожжение 36-пушечной шебеки⁶¹.

Отплыв от Морей, де Шаплет получил информацию, что «у кастелей Дарданельских» стоит турецкая эскадра, готовая к выходу в Архипелаг, поэтому принял решение идти к острову Зея, где, как ему доложили, находилась флотилия Ламбро. Де Шаплет намеревался соединиться с Кацони, чтобы вместе атаковать противника, но сначала он подошел к Негропону, где обстрелял форштадт и потопил турецкий кирлангич. Накануне этих событий Гвильермо Лоренцо, имея предписание генерала Гиббса вручить обращение жителям острова Идро, с тремя фрегатами вышел из Мессины и 16 июня соединился с де Шаплетом, а затем с небольшим отрядом графа Георгия Войновича. У турок служба информации работала достаточно оперативно, поэтому та эскадра, которая стояла наготове «у кастелей Дарданельских», немедленно проследовала в Архипелаг. Эта эскадра состояла из трех линейных кораблей, четырех фрегатов, пяти кирлангичей и двух галиотов, на которые и указывал Кацони. Затем, как пишет Гиббс, «после бывшего сражения, от которого напоследок неприятель удалился, упожена неприятельская эскадра еще четырьмя фрегатами и двумя шамбеками»⁶².

Что же произошло дальше, и какое сражение имел в виду генерал Гиббс? Соединившись, три флотилии — Г. Лоренцо, С. де Шаплета и Г. Войновича — имели в своем распоряжении больше десяти судов. Они рассчитывали еще на суда Кацони,

для чего отрядили одно судно и направили его к острову Зея с письменным уведомлением самого Кацони, что они идут к нему на соединение, и чтобы он был готов. По пути следования узнали, что турецкая эскадра уже находится в проливе между островами Тино и Микони, времени подойти к Зею не оставалось, и 21 июня де Шаплет с Лоренцо и Войновичем приняли решение идти прямо «к неприятелю, в упование, что майор Ламбро Кацони поспешит к ним присовокупиться для нападения общими силами»⁶³.

23 июня «открылась у острова Сира неприятельская эскадра из трех линейных кораблей о 64 пушках, из четырех фрегатов о 40 пушках, из пяти кирлангичей о 20 пушках и из двух полугалер». 24 июня соединенная эскадра де Шаплета, Войновича и Лоренцо лавировала, пытаясь выиграть ветер, и ожидала подхода флотилии Кацони. С наступлением следующего дня, 25-го июня, ветер выиграть так и не удалось, Кацони тоже не подошел, а противник, будучи на ветре, стремительно приближался. Начальник российской флотилии капитан Г. Лоренцо принял решение принять бой и приказал лечь в линию баталии; вскоре на близких дистанциях началось жестокое сражение, которое продолжалось около трех часов. Гиббс докладывал императрице: «В сем случае весьма нужно было послушание Ламбро Кацони, который противными своими мнениями подвергал малосильную флотилию опасности, и упустя соединиться, дал неприятелю случай избежать удара»⁶⁴.

Консул на Занте Загурисский также сообщил в Петербург об этом сражении: «Турки, построившись в линию, производили изрядную пальбу. Россияне хотя имели нещастие быть под ветром, однакож сражались очень мужественно и причинили немалый вред неприятелю». Гвильермо Лоренцо пообещал своим артиллеристам, что «даст 50 червонцев самому искусному и расторопному» — тому, «кто пушечным ядром собьет флаг с неприятельского корабля. Один браваый артиллерист» справился с заданием⁶⁵.

Турецкие суда сильно пострадали от выстрелов российской эскадры и начали уходить к острову Тино — россияне преследовали их. По пути отступления турецкая эскадра почти вплотную столкнулась с судами Кацони и начала их обстреливать, но тот успел отойти на дальнюю дистанцию. Именно при таких обстоятельствах Гвильермо, Войнович и де Шаплет соединились с Кацони. Противник же тем временем отошел к острову Самос, где получил подкрепление — еще четыре фрегата, а затем направился к Хио. Российская флотилия ушла в обратном направлении, к острову Идро.

На стоянке у Идро Гвильермо Лоренцо, пользуясь правом начальника императорской флотилии, собрал военный совет с целью определиться, как действовать дальше, но, как он позже доложил Гиббсу, майор Кацони даже не появился на этом совете, и вообще, «никаких советов не принял и данные ему от меня повеления презрев, изъяснил о себе, что он прислан на море начальствовать и не обязан принимать советов ни от кого»⁶⁶. После этого пути Лоренцо и Кацони разошлись навсегда. Кацони так и не стал подчиняться Лоренцо, не признавал в нем начальника, равно как и не признал себя лишенным высочайшего патента на право называться российским арматором. Более того, он так и не появился в Сиракузах и никогда лично не встречался с генералом Гиббсом, которому, по уставу, как председателю призовой комиссии должен был отчитываться о каждом захваченном призе.

В конце реляции генерал Гиббс писал: «Жалобы на Ламбро Кацони в комиссию учрежденную над арматорами, умножаются ежевременно. Вот и еще одну прислало на сих днях неаполитанское правительство, и требует удовлетворения». Внизу страницы имеется любопытное добавление Гиббса: «По данной мне инструкции поступать с майором Ламбро Кацони в столь нужное время не осмеливаюсь»⁶⁷. Жалобы на пирата действительно продолжались. В том же августе подал протест вице-канцлеру Остерману французский посланник в России граф Л.-Ф. Сегюр: люди Кацони захватили в нейтральных водах судно, принадлежавшее французским подданным, и нанесли им значительный ущерб. Императрица не желала повторения ситуации с французами как в прошлую войну, и просила Гиббса во всем разобраться⁶⁸, но в том-то и дело, что разбирательства не требовалось — все было ясно, требования пострадавших справедливы.

Успешная весенне-летняя кампания российской легкой флотилии под командованием капитана Лоренцо в Эгейском море привела к смене пашы греческого полуострова Морей. Турецкий султан Селим III назначил нового пашу, которого специально вызвал из Боснии, и едва прибыв на полуостров, он тут же «лишил жизни четырех главнейших деев греческих», а остальным грекам пригрозил, что убьет еще нескольких, если они будут плохо воевать на стороне Турции. Многие греки бежали из

Мореи⁶⁹. Сентябрьским донесением из Вены российский дипломат Д.М. Голицын сообщал: «Вооруженные алжирские суда соединясь с турецкою беломорскою эскадрой, атаковали флотилию российских корсаров» и совершили нападение на остров Зея⁷⁰.

На этом острове действительно произошла трагедия, и случилось это опять-таки по вине подполковника Кацони. После сражения с турецкой эскадрой он вернулся к острову Зея, где даже успел жениться. В море его флотилия встретила как раз те алжирские суда, шедшие на соединение с турками, о которых упоминал князь Голицын. Алжирцы решительно атаковали малочисленную флотилию Кацони и захватили два его судна, но нескольким матросам удалось спастись; сам Кацони тоже успел бежать. Спасшиеся матросы добрались до острова Занте, где нашли прибежище благодаря поддержке консула Загурского. Консул был потрясен, увидев этих греков: «Сих несчастных числом 21. Они пребывают в крайней нищете». А озлобленный Кацони вернулся на Зею и выместил весь свой гнев на местных жителях, «разорил сделанные там укрепления, и по взятии с собою тех людей и вещей, коих только мог, удалился из Архипелага» и пошел к острову Цериги, захватив по пути «в добычу два судна, принадлежащие грекам, с разными товарами». Вскоре на Зее высадились вооруженные турки и алжирцы. Население острова, обьятое страхом, вышло им навстречу, старики говорили, что «с россиянами участия не принимали никакого», но турки безжалостно «отрубили головы четырём начальникам помянутого острова»⁷¹. Вместо того, чтобы защищать своих соотечественников, Кацони предал их, бросил на произвол судьбы, да еще прежде чем сбежать, разрушил укрепления.

После появления в водах Архипелага сильной турецко-алжирской эскадры, российская императорская флотилия под командованием подполковника Гильермо Лоренцо, куда входили отряды С. де Шаплета и Г. Войновича, вынуждена была на некоторое время покинуть опасный район и вернуться на базу в Сиракузы — слишком несоразмерным стало соотношение сил, да и требовалось пополнить запасы. Поэтому донесения Кацони «о продолжающихся подвигах в Архипелаге», которые он отсылал Заборовскому и Потемкину, следует считать лживыми и не соответствующими действительности.

Павел Мартынович Скавронский, посланник в Неаполе, в одном из сентябрьских донесений информировал: «Умножилось число неприятельских судов до тридцати шести. Сие, а больше всего надобность снабдить себя военными и съестными припасами, заставили господина Гулиелмо возвратиться в Сицилию. Майор Ламбро оставил остров Зею очень скоропостижно, зажегши в тамошнем порте собственное свое судно, дабы не овладел оным неприятель, бросивши несколько людей на острову и не успев свезти на суда пяти пушек, принадлежавших ему. Не знаю, куда он от туда пошел». А через месяц, в октябре 1789 г., Скавронский доложил об «удалении флотилии нашей из Архипелага», чему активно способствовали алжирцы, и об отправлении турками в Эгейское море сильного отряда — двух 64-пушечных кораблей и одного 40-пушечного фрегата «для подкрепления имеющейся уже тамо эскадры от поисков флотилии нашей»⁷².

После случившегося на Зее, матросы, служившие у Кацони, стали уходить от него. Одни не хотели брать грех на душу и участвовать в разбоях и убийствах ни в чем не повинных людей, другие просто по причине неплатежей обещанного жалования. Обратимся к показаниям бывших матросов, служивших под началом Кацони. Все они говорили о тщеславии, непомерных амбициях, «гордости и славолюбии» этого человека. «Греков, взимая в призы, разоряет столь безчеловечно, что все в Архипелаге вопиют от него. В острове Термия один их греков, очень богатый примат, говорил об нем худо», так в отместку Кацони выслал туда вооруженных до зубов людей с приказом доставить этого грека к себе. Подойдя к дому, где жил грек, они постучали в дверь, но он не открыл, и тогда люди Кацони начали стрелять по окнам и двери. Однако примат оказался не робкого десятка, занял вместе с семьей круговую оборону и оказал сопротивление. Бой продолжался в течение двух часов; грек и его племянник погибли, а жену и двоих сыновей захватили — жену продали в рабство на том же острове, а сыновей отвезли к Кацони. «Для сих несчастных по приказанию майора тот час сделаны были две виселицы, и непременно повесили бы», если бы вовремя не подоспел посланец от архиерея острова Термии с письменным прошением, в котором умолял Кацони пощадить юношей и «призывал его к страху Божию»⁷³.

Бывшие сослуживцы Кацони под присягой показали, что он вынашивал честолюбивый, далеко идущий план — «приглася греческий народ к возмущению, возвра-

тить от турок греческое царство, а потом сделаться первенствующим... Не признает никакого начальства, публично говорит, что ежели не удастся ему сделать вышеобъявленного, то удалится в Святые Горы, или в Сирию к Агмет паше Жезаир. Публично говорит и то, что не обманут его более россияне, и он уже не в Триест, ни в Сиракузу никуда из Архипелага не выдет... В донесениях своих к генералу Заборовскому и к другим пишет по большей части небылицы. Одному из пленных турок по приказанию его за то, что якобы притворился сумасшедшим, отрубили голову. Ламбро договаривал и брал к себе людей из экипажа лейтенанта де Шаплета и капитана Лоренца»⁷⁴.

Позже греки, которые ушли от него в знак протеста против совершавшихся злодеяний, называли его «скотом, порочащим всех греков», а его поступки «ужасными, гнусными и подлыми», позорившими Российский флаг и «весь греческий народ». Они считали его «мятежником и злодеем», вознамерившимся стать «князем в какой либо области Греции», для чего и сына своего он назвал Ликургом⁷⁵. Такова горькая правда.

С наступлением весны 1790 г. призовая комиссия по делам российских корсаров перебазировалась из Сиракуз в Ливорно. К тому времени Ламбро Кацони окончательно заслужил себе репутацию мятежника и ослушника; он так и не соединился с Гильермо Лоренцо и продолжал незаконные действия. С увеличением численности турецких сил в Архипелаге, объединенные отряды Лоренцо, Войновича и Шаплета уже не могли в полной мере противостоять противнику. Председатель призовой комиссии генерал-майор Гиббс докладывал в Петербург: «Неприятельская в Архипелаге сила состоит из семи турецких фрегатов, шести судов тунисских и шести алжирских. Напротив того, не имея сведений от Ламбро Кацони о числе судов вверенную ему флотилию составляющих, не могу донести, сколь велико будет наше вооружение, когда генерал майор Псаро соединится с его флотилиею»⁷⁶.

Гиббс имел в виду следующее. Екатерина II назначила командующим объединенной флотилией генерал-майора (и контр-адмирала) Антона Константиновича Псаро, поручив ему отправиться из Ливорно на соединение с Кацони. Аналогичное приказание она передала и для Кацони, но точного местонахождения его никто не знал — лишь по неопределенным сведениям, он вернулся на остров Зея. Гиббс писал вице-канцлеру Остерману: «Жалобы на майора Ламбра умножаются. Многие из греков, обиженные до разорения майором Ламбро, отправились уже с жалобами своими в Санкт Петербург, и многие еще к тому же готовятся»⁷⁷. Чаша терпения Екатерины II переполнилась, когда консул на Занте Дамиано Загурский сообщил об очередной выходке «доблестного полковника Кацони»: «Во второй день Пасхи майор Кацони по учинении высадке в Трикере (последний мыс в заливе Волло в Адриатике — Г.Г.) запер всех обывателей, находившихся в церкви и упрямившихся в молитве, ограбил их и взял с них потом великую дань за то, что не сжег их дома. Он причинил им и другие обиды, и все сие делал, чтоб отомстить за одного албанца, капитана Андруца, потерявшего там в прошлом году своего брата»⁷⁸.

Из залива Волло Кацони отплыл к острову Зея, куда вскоре из Сиракуз прибыл капитан Егор Палатино с пакетами от генералов Гиббса и Заборовского — императрица приказывала Кацони поступить под «ведомство и послушание» контр-адмирала А.Н. Псаро. Однако, по словам Е. Палатино, Кацони «не хотел слушаться и исполнить все то, что ему предписывал контр адмирал противу службы и имянного повеления Ея Императорского Величества, коим настраивающее подтверждалось послушание и дисциплина. Я соразмерно данных мне как письменно так и словесно приказаний старался всячески его склонить к послушанию для пользы службы». Палатино говорил, что прибытие Псаро в Архипелаг ожидается со дня на день, поэтому Кацони нужно немедленно отплыть от Зеи и следовать навстречу Псаро. Целых трое суток Палатино убеждал Кацони повиноваться и выполнить приказ, но тот отказывался⁷⁹.

Гиббс докладывал: Кацони стал жертвой своего «славолюбия, презрев общую пользу и желая всегда быть начальником, ни от кого не зависящим, старался отдаляться от соединения, от чего и в прошлогоднюю кампанию действия против неприятеля не столь великие выгоды имели. Из Сиракузы послал я к нему капитана Палатину с повелениями и наставлениями о пользе соединиться с генерал майором Псаро, однако же он по прежнему для сборища своей республики определил остров Зею с таковым может быть намерением, чтоб не допускать к себе казенную флотилию». Гиббс добавил: по достоверным сведениям, Кацони намеревался «начальствовать в Архипелаге независимо и после заключения мира», почему и находился безвылазно на Зее⁸⁰.

Вскоре к Кацони поступила информация о сосредоточении значительных турецких сил у острова Андрос. Тогда «майор Ламбро велел всем своим подчиненным выйти на берег для слушания обедни, по окончании которой заставил их учинить присягу в том, что они общаются до прибытия нового начальника идти с ним против неприятеля, или погибнуть всем в бою, или одержать победу». Капитана Палатинно и всю свою команду Кацони заставил присягнуть на Евангелии в исполнении его приказа⁸¹. После этого он собрал своих людей и отплыл к Андросу, где располагая семью судами, вознамерился атаковать эскадру в количестве 23 единиц. Гордыня, амбиции и безрассудство этого человека привели к трагическим последствиям.

17 мая 1790 г. у Андроса произошло «сражение, которое с полудня по самый вечер продолжалось без знатного вреда на обе стороны». Бой длился в течение восьми часов и возобновился на следующий день. Подоспевшие из засады на помощь туркам алжирские шибекы «ударили на средину судов Ламбровых с такою жестокостию, что греки уступили победу неприятелю». Когда греки расстреляли весь боезапас, алжирцы пошли на abordаж и захватили три судна и два кирлангича. Капитан Палатинно свидетельствовал, что Кацони сам «сжег свой фрегат и ушел на кирлангиче»⁸².

Сражение, развязанное Кацони, и взятие в плен множества его людей, «стало предосудительным для чести Российского флага в дешеских местах», — докладывали консулы. Английский фрегат, заходивший из Смирны в Ливорно, «разнес о майоре Ламбро молву» о его позорном бегстве, — с горечью писал Гиббс. «Ежели бы майор предпринял со славою умереть или победить для общей пользы, не пустился бы без временно на неприятеля; превосходящего силами»⁸³. Однако больше всех пострадал взятые в плен греки из команды Кацони — 180 человек. Их привезли в Константинополь, где победители целых пять дней праздновали победу и устроили настоящий военный парад. Прямо перед летним дворцом султана, под гром пушечных выстрелов, повесили на реях своих судов 20 человек, надев на них Андреевские флаги, «и с таким позорищем» корабли вошли в Адмиралтейство. Затем в присутствии султана турки отрубили головы шестерым пленным и продолжили расправу на следующий день, казнив еще 21 человека, головы которых вывесили на городских воротах. Всего турки казнили 46 человек.

Капитана Егора Палатинно турки также вывели на казнь, но сераскир узнал его и вспомнил, что Палатинно в сражении не участвовал, а только выполнял роль курьера, поэтому пощадил его. Против подобных жестокостей с военнопленными резко выступил французский посол в Константинополе Шуазель Гуфье: посол выразил решительный протест и заявил, что турецкая сторона расправляется не с греками, а с подданными российской императрицы и плумится над российским флагом, что непозволительно для любой державы. Только тогда турецкие власти остановили казни. Шуазель Гуфье помог отправить по назначению письмо Егора Палатинно из константинопольской тюрьмы, в котором тот рассказывал обо всем случившемся по вине Кацони.

После неудачного сражения с турками Кацони ушел сначала на Церигу, потом на Итаку, где его и разыскал генерал-майор А.К. Псаро. Подойдя к Итаке, Псаро отправил на шлюпке офицера с приказом для Кацони немедленно прибыть к нему на корабль, но Кацони под предлогом болезни отказался. Тогда Псаро сам отправился на берег и приказал Кацони вернуть греческим владельцам все захваченные у них суда и «не притеснять более греческий народ отнятием судов и другого имущества». Псаро передал предписание императрицы о передаче ему командования российской флотилией в Архипелаге. В ответ Кацони показал приказ Потемкина от 26-го января 1790 г. с требованием о срочном прибытии его, Кацони, в Яссы⁸⁴. Однако и этот, уже повторный приказ князя, Кацони проигнорировал. Будучи на Итаке, генерал Псаро вернул двум грекам их суда, незаконно захваченные Кацони.

Что же предпринял Кацони после сокрушительного поражения? Через месяц, 15-го июня 1790 г., он отослал Потемкину победный рапорт о своих «подвигах» в Архипелаге, о чем Григорий Александрович поспешил доложить императрице. В частности, он сказал, что получил от подполковника Кацони письма, в которых тот пишет следующее: «Порта встревожена его предприимчивостию и мужеством, старалась уловить его разными обещаниями, которые он отверг с презрением». Какие же обещания имел в виду подполковник, и зачем он похвалялся Потемкину, что «отверг их с презрением»? Объяснения дерзкому поведению Кацони, его самоуверенности, наглым выходкам и неисполнению приказов командования содержатся в письме драгомана Стефанаки Мавроения, служившего в турецком министерстве.

Мавроений обратился к Кацони с официальным предложением, сделанным по повелению Его Величества султана Селима III: «По данному мне повелению от Гази Гусейн паши, дабы известить вам, что Оттоманская Порта, будучи уверена о происхождении отца вашего, который был верный подданный государя нашего, неоднократно получавшего щедрое воздаяние и чин кожа баши, то Его Султанское величество приняв в милостивое свое уважение оказанные отцом вашим услуги, не преминет и вам оказать свое благоволение. Мы скажем, что вы служите России уже лет двадцать, но какими подаяниями награждены по оказании Империи Российской услуг, да еще какое достоинство имеете? Все подданные турецкие, кои в прошлую войну возставши против своего государя, принялись за оружие, Россияне ничем не были вознаграждены, и по заключению мира россияне оставили их без попечения. Полно тебе служить России, прибегай к покровительству султана Селима. Все не только будете прощены, но еще и награждены наивеликолепнейше, подарив вам и подчиненным вашим месте для вашего жительства в Архипелаге. Россияне вас обманывают своим лицемерством и ложными обещаниями»⁸⁶.

Имея такое письмо, Кацони, рассчитывая, что при любом раскладе он не проиграет. Если Архипелаг освободится из-под турецкого господства, то он сможет напомнить Екатерине, что когда-то «отверг с презрением» столь заманчивое предложение Оттоманской Порты. Если станет ясно, что русские уйдут из Эгейского моря, то тогда бросится в ноги к султану, согласится со всеми доводами и попросит предложенное «место жительства» на каком-нибудь острове. На всякий случай, Кацони решил подстраховаться и сообщить Потемкину о своем поражении, но доложить так, чтобы это выглядело как мученичество, как временное поражение. Потемкин, получив письмо Кацони, доложил императрице, что «Кацони один только дерется. Я произвел его подполковником прошлого года, прошу о пожаловании его полковником». Свое начальство Кацони так охарактеризовал князь: «Гипс пьян, Псаро никому не годится, грабитель греков и не терпим ими. Гвилиelmi стар, католик, разоряет греков, и они его не терпят»⁸⁷.

Загурскому стали известны подробностиговора между Кацони и венецианским адмиралом Анджело Эмо. «Находящийся в Архипелаге остров Идра, обитаемый народом мочным и весьма занимающимся торговлею, коего жители все христиане греческого восточного исповедания, не может быть терпим венецианскими господами за то, что они затмили торговлею их в Леванте, которая распространяется с немалым успехом и по западным морям», что привело к тому, что венецианцы задумали разорить жителей Идры, и сделать это руками пирата Кацони — докладывал Загурский в коллегию Иностранных дел. «Вот причина, которая побудила адмирала Эмо тайно поощрять Кацони, чтобы он грабил идриотские суда и истреблял их, что он и исполнил, не желая наблюдать повелений Ея Императорского Величества, данных в пользу христиан греков. Все награбленное у греков судами Кацония было публично и по самой низкой цене продано в портах Республики» — настояло «корысть, клонящаяся к ободрению грабителя», возымела верх над законами и высочайшими указами⁸⁸.

Загурский говорил, что российское консульство на Занте направило в Сенат республики Венеции протест против подобных действий адмирала Эмо, проводило переговоры с самим Эмо и направляло приказы Кацони, но ничего, кроме «досады от венецианского адмирала и презрения и непристойных слов от Кацония» в ответ не получало. Кацони действовал уже по опробованной схеме — когда консулы или генералы серьезно его в чем-то обвиняли, он просто строчил на них жалобы и отсылал князю Потемкину. Узнав о жалобе Кацони, Загурский спрашивал коллегия Иностранных дел: за что тот клеветает на него? За то, что он честно выполняет свои обязанности консула и исполняет долг перед собой и государыней? Несколько дней назад, пишет Загурский, адмирал Эмо снова встречался с Кацони: они долго разговаривали, а потом два кирлангича, принадлежащих Кацони, ушли «в Левант и там страшным образом теперь разоряют бедных греков христиан»⁸⁹.

Более того, по свидетельству Загурского, Кацони «в наглостях» пошел еще дальше: несмотря на существующее на Занте официальное российское представительство, он учредил на этом острове свое, собственное консульство, куда назначил поверенного в делах грека А. Андрианопуло — бывшего офицера, когда-то состоявшего на российской службе. «Сей грек дерзает даже выдавать патенты и свидетельства на пограбленное Кацонием», — возмущался Загурский, и в доказательство приложил копию такого патента. В нем было записано, что Кацони захватил у жите-

ля острова Идро судно с хлебом и продал его венецианцам, и теперь это судно ходит под венецианским флагом в составе эскадры адмирала Эмо. «Это тем более обидно для идриота, что в начале войны он добровольно отдал одно судно своего племянника» российский арматорам, пришедшим в Средиземное море. Вместо того, чтобы выполнять приказы командования, Кацони грабил и убивал мирных жителей, в основном своих же соотечественников. В заключение Загурский уведомил КИД, что спасаясь от турецких гонений, на Занте переселилось много греческих семей из Морей. Все они успешно занимаются морским промыслом и торговлей, и адмирал Эмо ими уже заинтересовался — просил «полицейских офицеров сделать ему список мориотам»⁹⁰.

Тем временем, российская флотилия в Эгейском море продолжала нести службу, и все лето и осень 1790 г. контр-адмирал А.К. Псаро провел в крейсерстве и остался в Архипелаге на зимовку — «дабы воспрепятствовать неприятелю провозить в Константинополь жизненные припасы». И это несмотря на то, что в тот период в Средиземном и Эгейском морях находились значительные турецкие силы: два линейных корабля в 60 и 56 пушек, одиннадцать 30- и 32-пушечных фрегатов, четыре канонерские лодки и шесть кирлангичей. А всего флот Его Величества султана Селима III насчитывал 85 единиц⁹¹.

Чтобы снабжать эскадру провиантом и пополнять запасы, Псаро отряжал к берегам Сирии и Египта капитана 2-го ранга Лоренцо, который захватывал турецкие торговые суда, следовавшие с грузами в Константинополь. «Я оставался в здешних местах сколько [необходимо] для удержания в порядке остальных майора Ламбра арматоров», — докладывал Псаро, — и теперь арматоры «поступают сходно с моими запрещениями, и ныне никто не явился ко мне с жалобами на них». От имени российской императрицы Псаро принес извинения греческому народу и подданным нейтральных держав за пиратские действия Кацони, которые тот совершал «против воли и намерений нашего Двора». Казенная императорская флотилия в Средиземном море насчитывала тогда всего шесть судов⁹².

Узнав о возвращении главных турецких сил из Архипелага в Константинополь на зимнее время, Псаро отправил к берегам Сирии и Египта фрегат «La Fama» под начальством капитана Лоренцо и два «вольнослужащих» судна. Целью крейсерско-поисковой операции являлось нарушение турецкой торговли, так как «в помянутых местах неприятель в октябре и ноябре проходит с вывозимыми из Александрии жизненными припасами, и чтоб сему провозу воспрепятствовать». 30 ноября 1790 г. крейсирова у Родоса, капитан Лоренцо захватил 30-пушечную турецкую шебеку, следовавшую из Александрии в Смирну. Турки оказали сопротивление, и после пятичасового боя экипаж «La Fama» взял шебеку на абордаж. Псаро докладывал начальству: в числе пленных пассажиров шебеки находилось «некоторое число из турок, жидов и греков, а между матросами и греки, служившие на оном судне... По вычислению моему явилось, что товары стоят пятьдесят тысяч пиастров, кроме судна, которое очень изрядное, большое и к службе весьма способное. Оно третьего года было вооружено в турецкой эскадре против нас, ныне же имеет только восемнадцать пушек». Продавая различные товары жителям островов, Псаро имел возможность платить жалование офицерам и матросам своей малой флотилии, которая, согласно распоряжению Г.А. Потемкина, поступила под его начальство⁹³.

Генерал С.С. Гибб писал вице-канцлеру Остерману: «Долг имею представить Вашему Сиятельству о капитане Гульельмо Лоренсо, что он сверх исправности своей довольно показал и показывает свое усердие к службе нашей, и командовал в 789 году всею казенною эскадрою, имея сражение с неприятельскою флотилиею гораздо силами превосходящую, успехами над неприятелем приобретенными делает славу и честь Императорскому Российскому флагу». Потеря шебеки с богатым грузом нанесла противнику ощутимый урон, а в целом успешное крейсерство российской флотилии в Архипелаге в течение лета-осени 1790 и зимы-весны 1791 г. послужило причиной резкого ограничения торгового сообщения между Египтом и Константинополем. Более того, Порты приказала часть сил, предназначенных для Черного моря, в том числе алжирские суда, перебросить в Архипелаг⁹⁴.

10 марта 1791 г. в Ливорно прибыл генерал-майор Василий Степанович Томара с орденом князя Потемкина принять «в свое ведение флотилию в Средиземном море и в Архипелаге». К лету того года состав флотилии увеличился до 14 судов: в ведомости за подписью генерал-майора Томары числились 44-пушечный фрегат «La Fama» под командованием капитана 2-го ранга Г. Лоренцо, две 24-пушечные шебеки, 20-пу-

шечный пакетбот, четыре кирлангича от 18 до 22 пушек, две полугалеры и четыре малых судна. Личный состав флотилии насчитывал 890 человек, из них 68 албанских офицеров и 624 албанских матроса; матрос получал в месяц 10 пиастров, офицер — 24⁹⁵.

В конце июля 1791 г. Гвильермо Лоренцо выехал в Россию — Потемкин отзывал его на службу в Черноморский флот⁹⁶. Принадлежащий Лоренцо фрегат «La Fama» принял под свое командование лейтенант С.М. Телеснической, который после завершения боевых действий в Архипелаге привел фрегат в Ливорно, а сам сухим путем вернулся в Россию. Несколько слов об этом лейтенанте. Сведения о нем очень скудные, известно лишь, что Степан Михайлович Телеснической проявил в греческом Архипелаге храбрость и отвагу, сражался с турками вместе с Лоренцо. В 1789 г. у острова Сифанто произошло сражение между 14 турецкими судами и одним фрегатом «L'Abbondance», которым командовал Телеснической. Лейтенант со своей командой выдержал жесточайшее сражение, длившееся более трех часов, и когда турки уже приготовились к абордажу, Телеснической закричал, что взорвет фрегат. Противник поспешил удалиться, и лейтенант успел укрыться за островом. За этот подвиг императрица удостоила его орденом Св. Георгия 4-ой степени. Известна еще такая деталь: в 1798—1800 гг. в заграничном походе адмирала Ф.Ф. Ушакова Степан Михайлович занимал должность историографа флота⁹⁷.

В то время, когда контр-адмирал Псаро налаживал дисциплину среди сослуживцев Кацони, уцелевших после рокового сражения, а капитан Лоренцо и другие офицеры продолжали борьбу с турками в Архипелаге, сам «доблестный» подполковник обретался... в Вене, где по причине его бесцеремонного поведения едва не разразился дипломатический скандал. Но Кацони это совсем не волновало, да и зачем ему было выполнять ордера Потемкина, подчиняться Гиббсу, Псаро, или еще кому-то, когда проще отправить победный рапорт Потемкину с очередной порцией лжи, и преспокойно делать то, что вздумается.

А произошло следующее. Кацони неизвестно зачем приехал в Вену (такого приказа ему никто не давал) и каким-то образом попал на прием к государственному канцлеру Австрии князю В.-А. Кауницу. В разговоре с канцлером, «ища себе пустой славы», Кацони заявил, что «шастие воспротивилось предприятию его и лишило удовольствия возвратить свободу ста семидесяти пяти пленникам австрийским», которых увозили из Рагузы в Константинополь на рагузском судне. Кацони, дескать, погнался за судном, но не смог догнать. Князь Кауниц немедленно дал ход заявлению Кацони, на что очень болезненно отреагировал представитель Рагузской республики в Вене. Российские дипломаты, аккредитованные в Вене и на Венецианских островах, встревожились последствиями, которые могли произойти от «помянутой повести Кацония». Они докладывали в Петербург: Рагузская республика «во все продолжение настоящей войны безпрестанно прилагает старание, дабы ни в коем случае Порты не могла воспользоваться ею к причинению вреда» обоим императорским дворам — российскому и австрийскому. Наоборот, рагузцы всячески стараются оказывать любую помощь России и Австрии, а во избежание незаконных захватов со стороны турецких властей, правительство даже запретило купеческим судам своих подданных заходить в турецкие порты. И уж тем более Рагуза никогда бы не допустила случаев, как с австрийскими пленными — это в чистом виде ложь подполковника Кацони⁹⁸. Инцидент в Вене вызвал резкое недовольство Екатерины II, а последствия от беззаконных действий Кацони ничего, кроме неприятностей дипломатического характера и разбирательств с нейтральными державами, России не принесли.

5 сентября 1791 г. генерал-майор Томара приказом по казенной императорской флотилии объявил, что с Османской Портой заключено перемирие на восемь месяцев, поэтому все действия в Архипелаге прекращаются. Судам надлежит следовать в точку рандеву к острову Цериго, а оттуда соединенно отправляться в Ливорно. В течение последних четырнадцати месяцев успешные действия флотилии по нарушению торговли противника нанесли Турции урон на сумму 58 026 пиастров, и Гиббс выразил контр-адмиралу Псаро благодарность: «Во время командования вашего сбережение казенного интереса приписывается усердию вашему к пользе службы... Сохранили вы честь императорского флага, содержа арматоров в надлежащем порядке», а с восстановлением законности в Адриатике и греческом Архипелаге призовая комиссия больше уже никаких жалоб от греков и от других народов не получала⁹⁹.

Но полковника Кацони эти события не касались. В феврале 1792 г. Томара изыскал возможность уведомить его о прекращении военных действий и передал копию ордера командующего Южной армией генерал-аншефа М.В. Коховского об отправлении части малых судов в Черное море под купеческими флагами. Затем генерал Гиббс отправил Кацони высочайшее повеление ехать в Петербург — «ради личного объяснения о всем том, что относится до бывшего его над флотилиею начальства и до учиненных им на шет казны издержек»¹⁰⁰. Но Кацони не спешил прекращать войну, а тем более выезжать в Петербург. Консулы на Занте Загурицкий, на Корфу Л. Бенаки и полномочный министр в Венеции А.С. Мордвинов сообщили в Вену и в Петербург леденящие душу подробности одного из последних злодеяний этого человека.

26 апреля 1792 г. Кацони с семьей судами подошел к берегам Морей и высадился в местечке Кастра, где нашли убежище спасавшиеся от чумы греки с острова Идро. Полковник знал, что война окончена, а следовательно, турок в большом количестве в том месте не будет. Он вместе со своими людьми ночью высадился на берег и окружил поселение беззащитных идриотов; как докладывал Загурицкий, часть жителей «сумела спастись бегством в горы, а кто остался, попал в плен или были убиты. За тем последовал всеобщий грабеж, причиняли женам несчастных наипоноснейшие ругательства, а стоявшие там восемь идриотских судов были взяты, так что опустошение, грабеж, причиненные от своевольных матрозов, не представляют иного для идриотов как только плачевное зрелище»¹⁰¹.

Весть о преступлении Кацони мгновенно распространилась по полуострову, и проживавшие в Морее турки в срочном порядке выслали в Константинополь курьера с мольбой о помощи, а сами пока вооружились и наскоро укрепили свои поселения. Кацони же продолжил совершать новые преступления. На своем судне он поднял флаг с изображением трех сердец и трех шпиг, с надписью: «Избавитель греков». После расправы с идриотами на суше, он отправился грабить их на море и остановил кирлангич, принадлежавший греку, подданному Венеции. Люди Кацони ограбили его, забрали весь сыр, который находился на борту, и 1200 пиастров. Одному греку Кацони приказал отрезать нос, а остальных пообещал оставить в живых, но с условием, что они пойдут не в Венецию, а в другую сторону. Владелец кирлангича рассказал, что матросы Кацони «во всеуслышание разглашали», что они так поступают по приказу генерала Томары¹⁰². О том, что война окончена, полковник намеренно не объявлял своей команде.

9 июня 1792 г. представителю России в Венеции Александру Семеновичу Мордвинову Сенат республики подал официальную жалобу на действия Кацони: «Беспорядочное поведение и выходящие из границ поступки арматоров флотилии, состоящей под командою полковника Ламбро Качония, который как с самого начала последней с Портою Оттоманскою войны, так и после заключения мира, находился всегда с флотилиею близ Венецианских островов, лежащих в Леванте, не наблюдая должного уважения к земским правам нашей Республики и нарушая исповедуемое и хранимое постоянно доброе согласие и дружбу между августейшею государынею вашею и Республикою нашею, составляют неприятный предмет объявления вам. Приятно было полученное известие о недавнем прибытии в Корфу секретаря г-на Томары с данным ему поведением освидетельствовать помянутую флотилию и восстановить в оной надлежащее благоустройство прекращением беспорядков»¹⁰³.

Пересылая копию этой жалобы вице-канцлеру Остерману, Мордвинов пояснял, что в течение всей войны флотилия Кацони «почти всегда крейсировала около венецианских в Леванте островов, и часто имела убежище в портах Венецианской Республики», получая там необходимую помощь в снабжении и ремонте. И никогда правительство Венеции ему ни в чем не отказывало, но как отплатил полковник Кацони за помощь и гостеприимство? Черной неблагодарностью, грабежами, издевательствами над подданными республики и совершением новых преступлений. Например, губернатор острова Св. Мавры направил к Кацони своего уполномоченного офицера с требованием выдать «многих бежавших и им принятых на эскадру солдат, но он безстыдным образом в том отказал», — писал Мордвинов.

По приказу Кацони его люди похитили в Превезе 10-летнего мальчика — под предлогом долга его отца, который будто бы задолжал Кацони крупную сумму денег. Кацони освободил ребенка только после личного вмешательства градоначальника. Но сразу после этого случая полковник принял к себе на службу «известного ссы-

лочного по кличке Чира», который совершил разбойное нападение на дом, где жил этот мальчик с матерью, и ограбил женщину. Градоначальник призвал Чиру добровольно отдать похищенное, но он не подчинился; впоследствии власти острова сумели выследить и арестовать этого беглого каторжника¹⁰⁴.

После серии разбирательств на дипломатическом уровне, Екатерина II направила генералу Томаре указ для передачи полковнику Ламбро Кацони, «чтоб он со всем своим ополчением возвратился как наискорее в Ливорну или другую итальянскую гавань, которую вы ему укажете, назначив при том и крайний срок возвращения его и сказав ему, что если он в течение сего времени не явится, то Российский двор от него отрекается»¹⁰⁵.

Но полковник и на этот раз не явился ко двору. Он понимал, что кроме Потемкина в России у него нет покровителя, а после смерти князя отсылать «победные» рапорты было некому и надеяться тоже не на кого. Он предпочел дальнейший путь грабежей и насилия. У берегов Морей он сжег два купеческих французских судна, после чего к венецианским властям присоединились турки и французы. В частности, к генералу Томаре попало письмо командира французского фрегата «La Badine» Симона Бругьера, адресованное неизвестному лицу. Из текста письма (от 5 августа 1792 г.) следовало, что «для обеспечения торговли всех наций и удержания разбойничества таковых судов», Франция готова направить свои корабли в Средиземное и Эгейское моря¹⁰⁶.

Пока Кацони грабил мирных торговцев, в том числе и своих соотечественников, из Константинополя подоспела помощь: турки выслали в Эгейское море 18 вымпелов под командованием самого капудана-паши, к которым присоединились 15 хорошо вооруженных идриотских судов. У одного из островов эта эскадра обнаружила стоявшую на якоре флотилию Кацони и атаковала ее. Полковнику удалось бежать на малом быстроходном галиоте, бросив, как и в прошлый раз, свою команду, часть которой турки захватили в плен¹⁰⁷. Российский поверенный в делах в Константинополе А.С. Хвостов сообщал Томаре: Кацони «капитан пашею загнан в горы, и взято восемь судов с орудиями, кроме потопленных и сожженных. Тож взято в плен три офицера и 64 простых грека»¹⁰⁸.

Тем временем, до Петербурга дошли майские донесения Хвостова из Константинополя, в которых он информировал о результатах прошедших переговоров с турецким министром иностранных дел Рейс-эфенди по поводу незаконных действий Кацони в отношении «турецких подданных в Белом море». Рейс-эфенди говорил: «Злодейства его изо дня в день умножаются, и вчера вновь получено известие, что помянутый Ламбро захватил одно идриотское судно. Если бы Порты в Черное и Азовское моря послала своих корсаров, и когда б оные начали грабежи причинять, какие б Российский двор для охранения своих берегов и подданных принял меры, дозволяя корсарам турецким причинять подданным своим обиды и грабежи?» Выждав паузу, эфенди твердо заявил: «Порты почтита теперь Ламбра действительным корсаром, неминуема должна прибегнуть к средствам в руках у нее имеющимся, и послать на искоренение его войска и суда»¹⁰⁹.

Что представитель Екатерины II мог ответить на эти вопросы и как опровергнуть неоспоримые доводы? Он лишь заверил турецкого министра, что российских военных судов в Средиземном море и Архипелаге больше нет, так как война давно окончена, и Блистательная Порты, конечно же, знает, какие меры ей следует принять «для охранения своих вод и подданных против корсаров». Эфенди подтвердил: безусловно, его руководство примет надлежащие меры «на истребление» Кацони, который осмеливается совершать преступления то под российскими, то под немецкими, то под венецианскими флагами. На это Хвостов ответил так: «Сия перемена флагов доказывает, что то не могут быть суда российские, кои свой флаг не имеют нужды менять ни на чей. Я не могу препятствовать Порте в распоряжения ее относительно безопасности земель ее и повторяю, что военных российских судов в Белом море нет». Эфенди завершил конференцию следующими словами: «Следовательно, оным и дело сие кончено, ибо Порты употребит силу против Ламбра яко точного корсера, ныне в Белом море грабежи производящего»¹¹⁰.

В фондах Архива внешней политики Российской империи обнаружены сведения о последних злодеяниях полковника Ламбро Кацони и короткая справка об участии его семьи. В делах хранятся донесения российских консулов и посланника в Вене Разумовского вице-канцлеру Остерману и Екатерине II за 1792—1793 гг., свидетельские показания бывших сослуживцев Кацони и документ под заголовком «Выписка из

бумаг, касающихся греков флотилии Ламбро, плененных венецианцами и частично выданных туркам». В преамбуле этого документа говорится: «Когда мир с Портою Оттоманскою уже обнаруговали в Европе, со всех концов Архипелага еще продолжали поступать жалобы на морские разбои Ламбро Кацони и его флотилии. В связи с этим императрица распорядилась лишить сих непокорных ее покровительства, объявив незаконными все их призы, захваченные после обнаругования мира, и рекомендовав преследовать их, чтобы положить конец их разбою. В результате флотилия была разбита, а личный состав пленен или рассеян. Ламбро удалось скрыться»¹¹¹.

Итак, Екатерина II отсеклась от бывшего офицера своего флота, который вовсе не служил России, а преследовал собственные корыстные интересы, вплоть до возведения самого себя на княжество в Архипелаге на одном из островов. Но полковник Кацони сумел войти в доверие к князю Потемкину, отсылал ему донесения с ложными сведениями и тем самым вводил в заблуждение не только Потемкина, но и императрицу. Теперь же, когда открылась вся правда о его преступлениях, Екатерина II сама рекомендовала правительству Венеции поймать этого пирата и положить конец его злодеяниям. После получения такого ответа, Сенат республики постановил: «Вследствие неоднократных известий о наглых поступках и грабительствах полковника Кацония и подчиненных ему арматоров..., для общей безопасности и спокойствия» арестовать полковника Кацони и конфисковать его флотилию¹¹².

Каков же был финал полковника и — по милости Потемкина — Георгиевского кавалера? Чашу терпения венецианского правительства переполнило его очередное дерзкое преступление. В конце июня 1792 г. на рейде у острова Занте бросило якорь купеческое судно под российским флагом, на борту которого находился, судя по документам, «богатый груз». Каким-то образом об этом узнал Кацони, и пока капитан с командой сходили на берег, он и его люди пробрались на судно, подняли паруса и вышли в море. Но их заметил венецианский сторожевой фрегат и вынудил вернуться на рейд. При появлении вооруженного наряда, Кацони «протестовал с оскорблениями и руганью, пытался сбежать и даже открыл стрельбу из ружей», но венецианские власти арестовали его и всю его команду и приставили к ним часовых. Через некоторое время полковнику все же удалось обмануть охрану и сбежать, а сторожевой фрегат снова пустился за ним в погоню.

На этот раз Кацони открыл стрельбу из пушек по «войскам и флагам Республики», чем не только оскорбил национальные чувства венецианцев, но и окончательно разозлил их. Они настигли и вновь арестовали беглецов, посадив их под усиленный караул. Во время преследования и перестрелки погибло несколько греков из команды Кацони, но сам он под арестом находился не долго — видимо, ему все-таки удалось сбежать. В начальных числах июня полковник появился уже в другом месте владений Венеции — в бухте Каламо и «требовал, чтоб жители сего города прислали к нему тридцать мешков денег». Вместо денежного подношения жители Каламо оказали пирату вооруженный отпор, встретив его шквальным ружейным огнем.

Этот случай вынудил правительство Венеции пойти на самые крайние меры: командующий морскими силами республики адмирал Эмо получил приказ снарядить сильную эскадру для поиска и поимки преступника, а также арестовать находившихся на острове Церго жену, детей и шурина Кацони. Российские консулы протестовали против последнего решения, но тщетно — Сенат заявил, что «готов освободить только тех пленников, которые родились российскими подданными, но обязательства Венецианской республики перед Оттоманской Портою не позволяют ей сделать это по отношению к тем грекам, которые родились турецкими подданными, даже несмотря на то, что во время войны они принимали присягу на верность России и служили под ее флагами. Договоры с Турцией обязывают Венецию выдать этих греков туркам, по их требованию». Заковав в кандалы членов семьи Кацони, венецианские власти посадили их на галеры и вместе с другими пленными греками отправили в Константинополь¹¹³.

31 августа 1792 г. поверенный в делах в Турции Хвостов информировал генерала Томару, что ждет высочайших повелений относительно линии поведения с турками, поскольку «двор от Ламбро отступился». Хвостов пишет и о том, что размеры ущерба, причиненного Кацони разным державам и частным лицам, еще предстоит выяснить; этот человек оставил за собой такой «шлейф» преступлений и недостойных дел, что Петербург будет долго разбираться с разными консульствами и представительствами. Полковник потерял в Архипелаге почти весь свой отряд.

3 мая 1793 г. вице-адмирал Мордвинов, служивший на Черноморском флоте, докладывал в Петербург: «Минувшего апреля с 15 по 28 число прибыли в Севастополь суда, отправленные из Средиземного моря от генерал-майора Томары под Российским флагом. Трехмачтовые Святой Николай, Святой Матвей, Святая Елена и кирлангич двухмачтовый Ахил. Поверенный в делах при Порте Оттоманской полковник Хвостов извещает, что выдано им на все суда две тысячи десять пиастров». Согласно документу, экипажи этих и других судов состояли из представителей разных национальностей — греков, россиян, итальянцев, англичан, неаполитанцев, славян, албанцев; например, на «Святом Александре» служили 28 венецианцев¹¹⁴. Кацони вместе со всеми на Черное море не прибыл.

Полковник потребовал вернуть ему указанные четыре судна, для чего и отказался поехать в Россию и даже не постеснялся сыграть на семейной драме. В апреле 1795 г. он прибыл в Херсон и сразу подал на имя князя П.А. Зубова протест на комиссию, «учрежденную для свидетельства щетов и рассмотрения претензий по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну» за невыплату жалования его офицерам, и потребовал вернуть ему якобы его суда. Платон Зубов доложил обо всем императрице, и с ее повеления началось разбирательство.

Процедуру рассмотрения дела комиссия сформулировала так: «Офицеров следует разделить на три периода: 1. Когда флотилия была на положении арматорском. 2. Когда она присвоена в казну и обращена на военные действия, и что сей второй период есть тот, в который всем служащим следует выдавать жалование из казны, каковым некоторые из них уже здесь и удовлетворены. 3. По заключении с турками мира, когда Ламбро Кацони, не взирая на данные ему повеления о прекращении всяких военных действий, самовольно продолжал оные, при чем и сам он, Ламбро, получил высочайшее позволение приехать в Санктпетербург и предстать в комиссию ради личного объяснения о всем том, что относится до бывшего его над сею флотилиею начальства и до учиненных им на шот казны издержек»¹¹⁵.

Вначале Кацони не отрицал, что флотилия находилась на положении арматоров, в связи с чем он должен был отчислять в казну часть призовых денег. Но затем, по своей привычке, начал лгать, говоря, что участвовал «единственно в военных действиях и сражался не против купеческих судов, а военных неприятельских и даже линейных кораблей, где» он «ничего не выигрывал, кроме ядер, пуль и потери» своих судов¹¹⁶. На этом этапе разбирательства он ни слова не сказал о том, что снаряжал фрегат «Минерва Северная» «на собственный кошт», зная о показаниях капитана П. Кассими.

Комиссия работала долго. Были привлечены все оставшиеся в живых участники событий, в том числе И.А. Заборовский, А.К. Псаро и В.С. Томара. Гиббс скончался в 1795 г. в звании вице-адмирала. Дело разбухло до тысячи листов: в него вошли копии всех высочайших повелений и инструкций, отчеты генералов и множество других документов, связанных с действиями Кацони. Вот, к примеру, одно из показаний Антония (Антон) Константиновича Псаро от 19 июля 1795 г.: «Ламбро и сопутствовавшие ему не только не захотели покориться инструкциям, но паче презирая начальника, от которого они были присланы, продолжали по алчности своей поступать с дружественными нациями и с греками так, что в Сиракузскую комиссию ежедневно вступали как от нейтральных купцов так и от греков жалобы от претерпеваемых ими от арматоров несправедливых грабительств». Более того, Псаро свидетельствовал, что Кацони переманивал к себе в команду людей из флотилии Гильермо Лоренцо обещаниями быстрой наживы, то есть действовал «без правильной дисциплины и жадностью к наглым хищениям», чем наносил вред российской императорской службе и дискредитировал ее. «Едва лишь сделалось мое прибытие известным, — говорил Псаро, — то множество народа пришло в присутствии нашего вице-консула Загурского просить моей помощи против незаконных грабительств вышеобъявленных корсаров»¹¹⁷.

Комиссия перечислила все пункты расходов Кацони, которые ему, по первому же требованию, всегда возмещала казна. Деньги выдавались на жалование, ремонт, «на все издержки», включая закупку провiantа, но Кацони оказался вором и пиратом, опозорившим честь российского флага. Члены комиссии прямо заявили ему, что «почитают его по сие время яко отверженного бунтовщика». В ответ Кацони оправдывался, жалуюсь на князя Мещерского, который посадил его в тюрьму и хотел заменить Г. Войновичем, говорил, что «пошел на Майну» по причине нужды в деньгах и пропитании, а там якобы ему были должны «31 мешок и 50 пиастров». Он утверждал, что будто бы даже посылал своих депутатов в Константинополь в россий-

ское посольство «к министру, от которого надеялся получить пособие», но никто не хотел платить, а его людей избили. Жаловался и на то, что не мог распоряжаться своей флотилией «как хозяин», так как служил Ея Величеству, что его «жена с детьми страдала в каторжной работе два месяца и двенадцать месяцев в тюрьме», а сам он ради спасения жизни скрывался «в турецкой земле»¹¹⁸.

По поводу снабжения флотилии, Василий Степанович Томара задал ему такой вопрос: с какой целью, господин полковник, вы посадили на свои суда «до 1500 человек всякой сволочи, с которыми поплыли в Майну»? Вы же имели «готовое для ополчения своего пропитание в Сицилии, не далее Майны от Венецианских островов отстоящей, куда приказывал я вам неоднократно присылать казенные суда и самому со всеми своими судами следовать». В Мессине, говорил Томара, на корвете «Св. Николай» находился «готовый магазин провизии», которую поставлял сицилийский дом Навантери, но полковник даже не появился там, игнорируя все приказы¹¹⁹. Как же на это отреагировал Кацони? Он тут же выдвинул встречный иск и заявил, что ссудил Томаре 12 500 левков, а тот ему их не вернул. Томара назвал это ложью — он никогда не получал этих денег, и вообще, «чтоб давать, надо иметь», а он постоянно видел Кацони «в скудном состоянии. В Вене, где его нащол, жил он в долг, — говорил Томара. — В Триесте содержал его купец Николай Жоржи... До четырех тысяч левков сумма, издержанная в острове Каламо, дана ему от капитанов вольной флотилии, явившихся тогда из Архипелага»¹²⁰.

Кацони все время твердит: «Мои кирлангичи, моя флотилия», но давайте разберемся, что есть собственность Кацони, а что нет. Как выяснилось, лично Кацони принадлежало только судно «Св. Елена», которое арестовал генерал-майор Псаро, а Томара потом вернул его Кацони обратно¹²¹. Часть остальных судов полковник захватил у архипелагских греков, часть принадлежала другим владельцам.

В новом 1796 г. комиссия передала генерал-прокурору А.Н. Самойлову общий реестр долгов Кацони на сумму 41 736 турецких пиастров и 10 тыс. голландских червонцев. Разбирательство по делу Кацони продолжалось и после смерти Екатерины II, так как он постоянно подавал новые иски. Судя по всему, полковник решил, что император Павел, в отличие от матери, совсем не в курсе дела, а потому его можно вести в заблуждение, еще раз перечислив свои «подвиги», пожаловаться на тяжелую участь. 28 января 1797 г. Кацони подал Павлу прошение, в котором «слезно просил заплатить ему за фрегат «Минерву Северную», также и за три собственных мои суда, кровью моею вооруженные и отправленные после в службу Черноморскую». Теперь полковник уже смело говорил, что он лично вооружил «Минерву Северную» «через продажу последней рубахи в начале выезда из Триеста», и это стоило ему 42 тыс. флоринов. Как видно из его прошения, вооружение еще трех судов он также приписывал себе. Жаловался Кацони и на своих «займодателей», из-за которых он пребывает «в бедствии» и рискует «подпасть под стражу на вечность», указывая на свою 27-летнюю службу и страдания родственников¹²².

Потребовалось не так много времени, чтобы разобраться, кому принадлежали те три судна, отправленные на Черное море, о которых говорил Кацони. Комиссия установила, что эти суда Кацони захватил у архипелагских греков, поэтому никакой платы ему не положено, а выплаты будут производиться настоящим владельцам¹²³.

Император Павел простил преступника и даже проявил к нему «немалую щедрость». 22 декабря 1797 г. государственный казначей барон А.И. Васильев получил высочайший указ о выплате полковнику Кацони 576 тысяч 674 рублей. Но Кацони такая сумма не устроила, и он продолжал беспокоить комиссию и в следующем, 1798 году. Тогда Павел распорядился вновь принять его на службу и определил в Черноморский гробной флот — очевидно, с целью дать ему возможность послужить России, а заодно зарабатывать на жизнь. По справке Адмиралтейств-коллегии от 22 декабря 1796 г., Кацони был определен в Черноморский гробной флот и получил назначение в Одессу¹²⁴, но разве могло такое решение удовлетворить человека, привыкшего никому не подчиняться?

До сих пор считалось, что полковник прибыл в распоряжение черноморского начальства и стал служить на флоте, но последние архивные находки опровергли это. В АВПРИ обнаружены два списка: первый датирован июлем 1797 г. и называется «Список уволенным от службы грекам и другим левантским жителям во флотах Черноморских в прошедшую с турками войну». Согласно этому списку, «греков и других левантских жителей», служивших в русско-турецкую войну в Черноморском флоте,

уволено: капитан-лейтенантов — 8, лейтенантов — 4, мичманов — 3, секунд-майоров — 8, прапорщиков — 54.

Второй список, под той же датой, имеет название «Список отлучным по Черноморскому Адмиралтейскому Правлению, к своим командам неявившимся, и за то по силе Высочайшего Его Императорского Величества повеления выключенными из службы без ношения мундира»¹²⁵. Столь суровое наказание, как исключение из службы без права носить мундир применялось не так часто, но в данном случае цифры впечатляют: «флота лейтенанты — 3; мичманы — 2; полковник Ламбро Качони, секунд-майор — 1; капитаны — 4; поручики — 10; подпоручики — 10; прапорщики — 33».

Вышший полковник российской службы Качони сделался хозяином винного завода, так и не вернув долги своим кредиторам и адмиралу Мордвинову. В 1911 г. в журнале «Исторический Вестник» появилась статья некоего Кацони — видимо его, потомка, который восхвалял «подвиги» своего предка. Эпитеты, которыми наделил полковника автор, примерно такие: «корсар-герой, наводивший ужас на турок», храбрый и патриот, бесстрашно громивший «ненавистного врага». Эти и другие мифы подхватили современные историки, которым выгодно выставлять Кацони в роли греческого героя-освободителя, пусть даже и вопреки исторической истине. Потомок полковника поведал о финальном завершении жизненного пути своего предка: Ламбро Качони отравил неизвестный человек, который проник к нему, представившись доктором, и подсыпал яд в вино. Умирая, Кацони будто бы успел заколоть незнакомца кинжалом¹²⁶.

Благодаря настойчивым требованиям России, турецкие власти освободили семью полковника, но о дальнейшей судьбе греков из его флотилии, совершавших вместе с ним разбойные нападения и грабежи, фактически ничего не известно. С момента их ареста и отправления в Константинополь Екатерина II не оставляла без внимания этот вопрос и добивалась их освобождения. Однако сложность заключалась в том, что единственным способом добиться этого являлось предъявление турецким властям веских доказательств принадлежности арестованных греков к «подданным Ея Величества» российской императрицы. В противном случае Порта давала примерно такой ответ: на каком основании Россия требует выдать опасных преступников, подданных Турции? Только потому, что они ее единоверцы? Но этого недостаточно, чтобы избежать наказания за тяжкие уголовные преступления, умышленно ими совершенные.

Примечания

1. Например, см.: ПРЯХИН Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Качонис (Качони) в боевой летописи флота России: Греки в истории России. СПб. 1999; ЕГО ЖЕ Ламбро Качонис. Личность, жизнь и деятельность. СПб. 2011.
2. Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (АВПРИ ИДД МИД РФ), ф. 89, сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 708, л. 25; ф. 41, сношения России с Венецией, оп. 41/3, д. 431.
3. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, л. 18, л. 26, 41. 7 марта 1788 г.; ф. 5, оп. 5/1, д. 587, л. 27.
4. Русский Архив, 1866, с. 1382. 7 марта 1788 г.
5. ПЕТРОВ А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. Приложение № 9.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 1.
7. Там же, д. 18, л. 2—3, 234об.
8. Материалы для истории русского флота (МИРФ), ч. XIII, с. 252.
9. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 40б.
10. Там же, ф. 315, оп. 1, д. 470, л. 1—27.
11. РГАВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 168—168об.
12. АВПРИ, ф. 32, сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 1291, л. 89—90, от 25 апреля 1788 г.
13. Там же, л. 76, 90об.
14. Там же, л. 75об., 91об.—92.
15. Там же, д. 1291.
16. Там же, ф. 70, сношения России с Неаполем и Сицилией, оп. 70/2, д. 200, л. 28, 31—31об., 39.
17. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 1049.

18. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2036, л. 27—27об., 37.
19. МИРФ, ч. XIII, с. 252.
20. АВПРИ, ф. 41, оп. 41/3, д. 431, л. 30, 64, 135об.
21. РГАВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 144.
22. АВПРИ, ф. 70, оп. 70/2, д. 202, л. 3—3об.
23. Там же, д. 200, л. 67.
24. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 1292, л. 14—15.
25. МИРФ, ч. XIII, с. 255, от 3 мая 1788 г.
26. АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, д. 1292, л. 66.
27. МИРФ, ч. XIII, с. 275.
28. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2036, л. 83.
29. Там же, ф. 70, оп. 70/2, д. 201, л. 11об., от 31 июля 1788 г.; 12.
30. Там же, л. 68—71, от 20 августа 1788 г.
31. Там же, л. 64об.; ф. 32, оп. 32/6, д. 1304. По сути, все дело на 170 листах состоит из судебного разбирательства по факту незаконного захвата майором Кацони судна мальтийского корабельщика П. Целалиха.
32. Там же, ф. 2, оп. 6, д. 5132, л. 137 об. 141—142.
33. Там же, ф. 70, оп. 70/2, д. 206, л. 55об.; ф. 89, оп. 89/8, д. 958, л. 3.
34. Там же, д. 2062, л. 17об.
35. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 1290, л. 3—10; д. 1301, л. 1—3, от 16 января 1789 г.; ф. 70, оп. 70/2, л. 206, л. 45 об., 55 об.; ф. 32, оп. 32/6, д. 706, л. 12 об., 19—19 об.
36. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 1295, л. 3—3об.
37. Там же, д. 1299, л. 1—2.
38. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 22—23.
39. АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, д. 1299, л. 3—3 об.
40. Там же, л. 3об.
41. Там же, л. 4.
42. Там же, л. 4—4об.
43. Там же, ф. 89, оп. 89/8, д. 2093, л. 13.
44. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 24—25об.
45. АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, д. 1299, л. 4об.—5; д. 1301, л. 2—2 об.
46. РГАВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 31, л. 28—28об.
47. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2093, л. 3.
48. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 1299, л. 6—7об.
49. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 13—17об., 139—142об.
50. Там же, л. 7, 18—20.
51. И.А. Заборовский И.А. — А.А. Безбородко, в Петербург, 23 апреля 1789 г. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2093, л. 4об.
52. И.А. Заборовский — Екатерине II, 24 апреля 1789 г. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2107, л. 1—2 об.
53. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2093, л. 9.
54. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 1296, л. 33—34; 30.
55. Там же, ф. 41, сношения России с Венецией, оп. 41/3, д. 433, л. 49—50.
56. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 1301, л. 73—74.
57. Там же, л. 737, л. 59—60об.
58. Там же, ф. 89, оп. 89/8, д. 2093, л. 11—11об.; д. 2094, л. 20.
59. Там же, ф. 41, оп. 41/3, д. 433, л. 23—24.
60. С.С. Гиббс — Екатерине II, 22 августа 1789 г. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2114, л. 3—3об.
61. АВПРИ, ф. 41, оп. 41/3, д. 433, л. 60.
62. Там же, ф. 89, оп. 89/8, д. 2114, л. 1об.
63. Там же, л. 3об.—5.
64. Там же, л. 5об.
65. Там же, ф. 41, оп. 41/3, д. 433, л. 35—36.
66. Из донесения С.С. Гиббса императрице от 22 августа 1789 года. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2114, л. 5об.—6, 9.
67. Там же, л. 6об.
68. Там же, ф. 70, оп. 70/2, д. 208, л. 1—1об.
69. Там же, ф. 41, оп. 41/3, д. 433, л. 72—73.
70. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 732, л. 70об.
71. Там же, ф. 41, оп. 41/3, д. 433, л. 78об.—79; 77—78; 77об.
72. Там же, ф. 70, оп. 70/2, д. 206, л. 106об.—107, 110, 116.
73. Из донесения генерала С.С. Гиббса Екатерине II от 22 августа 1789 г. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2114, л. 8—8об.

74. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2114, л. 8об.—9об.
75. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 793, л. 65—65об.
76. С.С. Гиббс — И.А. Остерману, 15 мая 1790 г. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2130, л. 4.
77. Там же, л. 4об.
78. АВПРИ, ф. 41, оп. 41/3, д. 436, л. 7—9, от 22 мая 1790 г.
79. РГАВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 64, л. 82—83об.
80. С.С. Гиббс — И.А. Остерману, 7 июня 1790 г. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2130, л. 5об.
81. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 2130, л. 19об.—20.
82. РГАВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 64, л. 82—83об.
83. АВПРИ, ф. 41, оп. 41/3, д. 436, л. 9; ф. 89, оп. 89/8, д. 2130, л. 5.
84. Там же, ф. 89, оп. 89/8, д. 2129, л. 1—4; д. 2130, л. 31об.
85. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 52, оп. 2, д. 19, л. 2.
86. Там же, ф. 52, оп. 2, д. 19, л. 7—8.
87. Там же, д. 18, л. 128.
88. АВПРИ, ф. 41, оп. 41/3, д. 436, л. 32—36, донесение от 29 июля 1790 г.; л. 33об.
89. Там же, л. 33об., 35.
90. Там же, л. 34, 65об.
91. Там же, д. 184, л. 87.
92. Там же, ф. 70, оп. 70/2, д. 217, л. 25—26, 28об.; ф. 89, оп. 89/8, д. 2130, л. 25—25об.
93. Там же, ф. 89, оп. 89/8, д. 2130, л. 41—41об.; 26об.; 22.
94. Там же, л. 1об.—2.
95. Там же, д. 2135, л. 3—3 об.; д. 2134, л. 5; РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 170.
96. Гвильермо Лоренцо не довелось послужить в Черноморском флоте: пока он сухим путем добирался до Севастополя, произошло последнее сражение с турками на море вблизи Калиакрии. Очередная победа, доставленная Отечеству Ф.Ф. Ушаковым, ускорила заключение мирного договора с Турцией.
97. Общий Морской Список, часть V.
98. АВПРИ, ф. 70, оп. 70/2, д. 212, л. 120—121об.
99. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 78, 864; 161—161об.
100. Там же, л. 193об.—194, 266, 268.
101. АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, д. 793, л. 1—2, 7, 10.
102. Там же, л. 74; 10об.—11.
103. Там же, ф. 41, оп. 41/3, д. 203, л. 24—26. 9 июня 1792 г.
104. Там же, л. 29—31об., 32—32об.
105. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 65об.
106. Там же, л. 65, 128.
107. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 793, л. 77.
108. РГАВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 126, л. 29—29об., от 29 июня 1792 г.
109. Там же, д. 34, л. 123—123об., 124—124об.
110. Там же, л. 125—125об.
111. Там же, ф. 41, оп. 41/3, д. 213, л. 17—20об.; ф. 32, оп. 32/6, д. 793; л. 17.
112. Там же, д. 203, л. 78.
113. Там же, д. 213, л. 17об.—20об.
114. РГАВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 4, л. 1—3, 6.
115. Там же, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 1—3.
116. Там же, л. 4—4об.
117. Там же, л. 278—281об.
118. Там же, л. 203—204; 9об.—12.
119. Там же, л. 64.
120. Там же, л. 66об.—67.
121. Там же, л. 68.
122. Там же, л. 364—365, 710.
123. Там же, л. 775об.—776, февраль 1797 года.
124. Там же, л. 514; ф. 172, оп. 1, д. 309, л. 1.
125. АВПРИ, ф. 90, константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 1165, л. 5—7, 8.
126. КАЧИОНЕ С.А. Пират-визит — Исторический Вестник. Октябрь, 1911, с. 195—212.